

Мина
Бачурова

Народът «АВРОРА»

Заложники солнца

Мила Бачурова

Пароль «Аврора»

«Автор»

2018

Бачурова М.

Пароль «Аврора» / М. Бачурова — «Автор»,
2018 — (Заложники солнца)

Он ушёл исполнять Великую Миссию и вернулся с победой. Вернулся с невероятным открытием, которое должно перевернуть этот мир. Вернулся к людям, которым привык доверять. Не его вина, что эти люди живут в замкнутом пространстве, не имея представления о том, что происходит на поверхности. Не его вина, что они застыли в прошлом, ушедшем навсегда. Он изменился и готов принять новую реальность. Они остались такими же, как были. Для них он – по-прежнему неразумный мальчик. Они лучше знают, как ему себя вести и что ему делать. А значит, пришла пора снова подаваться в герои. Только теперь — на своих условиях.

Содержание

Глава 1	5
Бункер. День возвращения. Вадим	5
Глава 2	12
Бункер. 2 дня после возвращения. Григорий	12
Глава 3	18
Бункер. 15 дней после возвращения. Григорий	18
Глава 4	25
Бункер. 22 дня после возвращения. Кирилл	25
Глава 5	32
Бункер. 22 дня после возвращения. Кирилл	32
Глава 6	38
Недалеко от Ногинска. 23 дня после возвращения. Рэд	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мила Бачурова

Пароль «Аврора»

Глава 1

Бункер. День возвращения. Вадим

– Гриша, ну что?!

– Хорошего – ничего. – Бункерный врач Григорий Алексеевич, коллегами величаемый то «Грегором», то «доктором Хаусом», выбрался в коридор и закурил. – За Германом отправили пацана?

– Да. Сразу, как стемнело, поскакал.

– И то ладно. Может, хоть ему эта ненормальная что-то объяснит. Я лично ничего не понимаю.

«Ненормальной», вполне заслуженно, Григорий называл девушку-адаптку.

***

Сталкер, едва войдя в бункерную клинику и поймав мутным взглядом Вадима, кивнул ему на заляпанный грязью рюкзак – приволок в стерильное помещение, несмотря на протесты, – и процедил:

– Там – ящик. Железный. Бункерный сказал, тебе отдать.

Посмотрел, как его спутники укладывают Кирилла на операционный стол. Опершись о спинку смотровой кушетки, попытался еще что-то сказать, но не сумел. Побледнел и начал падать.

Девушка-адаптка одним прыжком подскочила к нему, взвалила на кушетку. Сунула одну руку Сталкеру за пазуху, другую положила на лоб. Замерев, подержала так ладони и болезненно скривилась. Раздернула на груди молнию комбинезона. Извлекла из-под одежды, размотав салфетку, наполненный шприц, стащила со Сталкера куртку и ввела ему какой-то мутный раствор. После чего устремилась к Кириллу. Решительно оттолкнула Григория.

– Не смей! Что ты делаешь?! – Это выкрикнули одновременно и врач, осматривающий Кирилла, и обалдевший Вадим.

– Что надо. Отвали.

Говорила адаптка так же, как Сталкер – резко и отрывисто. Взяла Кирюшу за руку.

– Ненормальная! Дай сюда!

Григорий попытался помешать, и в то же мгновение оказался на полу. Никто не успел понять, как. Свободной от шприца рукой адаптка выхватила из кобуры пистолет.

– Дернешься – выстрелю, – пообещала она Григорию. – А ну, все – пять шагов назад! – Гневно горящие на темном лице глаза обвели собравшихся по очереди.

Медсестра Светлана Борисовна взвизгнула и схватилась за сердце. Григорий, невнятным шипением задавив ругательство, положил руку ей на плечо.

С места не тронулся никто. Происходящее было настолько странно, что всерьез не воспринималось.

– Успокойся! – Вадим протянул руку к шприцу. – Отдай!

Вместо ответа адаптка выстрелила. Пуля разбила кафельную плитку – осколки так и брызнули – в сантиметре от ноги Вадима.

– Не лезь! Пять шагов назад. Кому сказала?! – Девушка направила пистолет Вадиму в голову.

Теперь они поверили. Попятились к двери.

– Сели на пол! Быстро!

Люди начали садиться. Вадим замешкался, и в стену над головой вонзилась вторая пуля. На пол он почти упал.

– Сидеть смирно! – распорядилась адаптка.

И, не сводя с собравшихся настороженных глаз, ввела препарат Кириллу. «Даже иглу в шприце не поменяла», – екнуло сердце у Вадима. После этого положила руки на лоб и грудь Кирилла и замерла – так же, как возле Сталкера.

Чем дольше Вадим смотрел на Кирилла, тем отчетливее понимал – нет ничего странного в том, что бункерные жители не признали своего любимца. У мальчика страшно, по-адаптски, потемнела кожа.

Адаптка, подержав ладони на его груди и лбу, с облегчением выдохнула. Отошла от стола и села на кушетку рядом со Сталкером. Освободилась от комбинезона. Стащила куртку и все той же иглой ввела препарат себе. По-прежнему не сводя глаз с наблюдателей.

Выдернула шприц – Вадим успел заметить, что содержимое в нем еще осталось, – бережно завернула обратно в салфетку. Вытащила из горловины футболки подобие кошелька, убрала шприц в кошелек, а кошелек – назад под футболку.

– Вставайте, – разрешила она.

И бессильно привалилась к стене.

***

... – Так что с Кирюшей?

– Говорю же, не понимаю. – Григорий выдохнул плотную струю дыма.

Как многие люди, стоящие на страже здоровья, он был заядлым курильщиком. Эта странная особенность поражала Вадима до глубины души, объяснить себе ее логику он, как ни старался, не мог.

– У Кирюши два огнестрельных ранения. Тяжелые, но не смертельные, и я бы сказал, что повезло парню – если бы не ожоги. Площадь поражения такая, что диву даюсь, как он жив до сих пор! Давным-давно должен был умереть, извини за прямоту. Температура – выше сорока, хоть прикуривай. С такой температурой не живут! И с такими ожогами тоже. У него печень должна была отказать, как минимум, сутки назад. Кровь должна была свернуться, как снятое молоко! А он все еще жив. И двое других живы.

– А что с другими? – машинально спросил Вадим. Он переваривал услышанное.

Потерявшим сознание Сталкером занимались Оля и прибежавшая на помощь Светлана Борисовна. Адаптка проглотила жаропонижающий порошок и глюкозу, не запивая водой: «Я сгорела, мне нельзя». Пистолета из рук так и не выпустила – хотя, казалось, от лекарств и усталости впала в забытие. Но, когда Вадим осторожно потянул за шнурок на шее – нужно ведь было узнать, что в шприце! – в висок ему уперся холодный ствол.

– Пошел ...! – отчетливо произнесла адаптка. – Копыта уברי.

Шнурок пришлось выпустить. А девушка, убедившись, что Вадим отошел, снова закрыла глаза.

... – С другими – то же самое. Ожоги и температура бешеная, как только эта чокнутая до сих пор в сознании?.. А у Сталкера сепсис начался, причем давно – не знаю уж, каким чудом парень держался. У него бедро разрублено.

– Что?!

Григорий вздохнул. Попросил:

– Только не думай, пожалуйста, что я тоже с ума сошел! Я, конечно, к помешательству близок – после всего, что сегодня увидел, но рубленую рану определить пока еще в состоянии... Тесаком рубанули, а может, топором. От души, до самой кости.

– Когда... – Вадим сглотнул. – Когда все это... произошло?

– Трое-четверо суток назад. Не меньше.

– Сколько?!

– Я тоже сам себе не поверил. Спросил у девчонки, но она на вопросы плохо реагирует. Успокоительное-то не воткнуть, не подпускает. В пистолет вцепилась намертво... Скорей бы уж Герман приехал.

Герман появился через час.

Сидевший в коридоре, у дверей клиники, Вадим еще издали услышал стремительные шаги. Перемещаться по Бункеру с такой скоростью не умел никто, кроме командира адаптов.

Вадим вскочил.

– Герман!

Тот, будто не заметил, пролетел мимо.

Дернул на себя дверь. Метнулся к кушетке, на которой лежал Сталкер:

– Живой?!

Схватил парня за руку, щупая пульс. Выдохнул, метнулся к девчонке.

– Лара!

– Герман...

Из глаз адаптки хлынули слезы. Она протягивала к Герману руку – ту, в которой не было пистолета.

– Дай сюда, дурочка. – Герман забрал у нее оружие, положил на пол. Осторожно обнял девушку. – Сгорела?

– Да... Мы все сгорели...

Это было последнее, что расслышал Вадим. Остальное адаптка, то и дело всхлипывая, сбивчивой скороговоркой бормотала Герману на ухо. Сейчас ее голос был совсем не похож на тот хрип, которым два часа назад отдавались команды. А Герман гладил девушку по голове, понимающе кивал, восхищенно переспрашивал...

– Командир. – Григорий тронул его за плечо. – Здесь реанимация, вы мешаете. Девчонку надо увести.

Герман кивнул.

– Что со Сталкером?

– Рубленая рана. Но выживет, несомненно, он меньше Кирюши пострадал.

Похоже было, что о Кирилле Герман вспомнил только сейчас. Перевел на парня взгляд.

– А с ним что?

– Ранен. И обгорел серьезно.

– Ясно... Окей, уходим. – Герман поднял адаптку за руки, та беспокойно оглянулась на друзей. – Тут без тебя разберутся. Не дергайся.

Девушка снова взволнованно зашептала.

– Так! Ты мне сперва сама очухайся. На ногах еле держишься... Идем.

Обняв адаптку, Герман повел ее к двери. Заметил всаженную в стену пулю, ковырнул пальцем. Покосился на разбитую плитку. Хмуро буркнул:

– Извиняемся... Понервничала девка. Скажу своим, чтобы порядок навели.

Он двинулся по коридору.

Вадим пошел следом. Саркастически передразнил:

– «Извиняемся»?.. «Понервничала»?.. И это все, что ты можешь сказать? А если бы твоя подопечная на нервной почве застрелила кого-нибудь?

– Ее зовут Лара... Не застрелила бы.

В палате Герман бережно усадил девушку на кровать, прислонил к своему плечу. Адаптка уже будто спала на ходу – еле шевелилась, подчиняясь движениям командира.

– Пугала вас просто, чтобы под ногами не путались.

– А по-человечески попросить не могла?

– А ты бы слушать стал? – Герман поднял на Вадима лицо. Выглядел он неважно – осунулся, под глазами темнели круги. – Уж мне-то сказки не рассказывай! Ты бы ей к вашему пацану и подойти не дал.

– Она могла объяснить...

– Времени не было объяснять. И сил не было.

Герман, осторожно уложив девушку, расстегнул ее ремень с пистолетной кобурой. Адаптка не шелохнулась, хотя Вадим был уверен, что, коснись кобуры он или Григорий, уже валялись бы на полу.

Герман снял с шеи девушки кошелек, протянул Вадиму:

– На.

– Что это? – Вадим, брезгливо поморщившись, вытащил из пропотевшего свертка шприц с остатками мутно-голубого раствора.

– Я так понимаю, то, за чем ходили. – Герман озираясь по сторонам. – Ларку обтереть надо... Полотенце дадите, какое не жалко?

Вадим едва не подпрыгнул.

– Что значит – «за чем ходили»?! Ты хочешь сказать, что где-то уже изобрели вакцину? И в шприце – именно она?!

Герман пожал плечами.

– В шприце – то, от чего пацан ваш жив. Ларка очухается – лучше объяснит, она все про прививку какую-то бормочет. Я не больно вкурил... Так чё, полотенце-то?

Светлана Борисовна вытащила из шкафчика стопку одноразовых пеленок:

– Вот, держи. Тебе помочь?

– Обойдусь. Спасибо.

Герман смочил пеленку под краном. Засучил на адаптке брючину, снял с лодыжки ножны. Расстегнул ремень девушки, брюки. Бросил Вадиму:

– Так и будешь пялиться?

– Извини, – спохватился Вадим.

Отвернулся.

Герман хмыкнул.

– Ну да... Адаптка ведь! Обезьяна почти.

– Я так никогда не говорил!

– Ты и сейчас не говоришь.

Судя по звукам, Герман освобождал питомицу от одежды. Вадим недоуменно разглядывал шприц.

– Где они это взяли?

– Ларка говорит, сама приготовила. Из какого-то порошка.

Герман подошел к крану, прополоскал пеленку. Темные от ожогов руки, размером и твердостью напоминающие экскаваторные ковши, орудовали на удивление искусно.

– Что за порошок?

Отвечать Герман не спешил. Долго полоскал пеленку, потом отжимал. Закрутил кран. Не глядя на Вадима, проговорил:

– Знаешь, Вадик, чем ты от Евгеньича отличаешься? И от Гриши?

Вадим слегка опешил – хотя, разумеется, знал. Сравнение с Сергеем Евгеньевичем, давно отошедшим от науки, занимавшимся в основном административными вопросами и, тем более,

Грегором – топорным ремесленником, на научные изыскания никогда не претендовавшим, он уверенно проводил в свою пользу. Но услышать такой вопрос от Германа было странно.

– Чем же?

– Тем, что они сперва о людях думают. А уж потом о порошках. – Герман повернулся к Вадиму, уставился на него светлыми, почти как у адаптов, глазами. Вадим вздрогнул – понял вдруг, что командир адаптов еле сдерживает злость. – Ларка тут у вас уж сколько часов валяется – а ты ее ни как звать не спросил, ни что с остальными! Реактивы ему достань, а там хоть сдохни... Красавец.

Бункер. День возвращения. Григорий

Герман задержался в Бункере ненадолго. Дождался, пока Григорий поставит Сталкеру дренаж, посидел возле кровати.

Хмуро спросил:

– Ногу-то парню не отхряпаешь?

Вопрос попал в точку. Ставить диагнозы командир, изрядно за эти годы поднаторевший на ранениях, умел не хуже Григория.

Врач неопределенно развел руками. Рана сильно воспалена, надежды на антибиотики мало. Нogu, скорее всего, придется отнять.

Герман все прочитал по его лицу. Болезненно нахмурился. Что-то пробормотал и постучал, отвернувшись, по деревянной спинке стула. Поднялся.

– Ладно... Мне ехать надо, дел полно. Ларке не мешай, окей?... Девчонка отлично знает, что делает. И не спрашивай, откуда! Знает – и всё. Ваде на опыты ее не отдам, а то насмерть заисследует. Пусть колет и себя, и пацана вашего – столько, сколько надо. Хуже не сделает, обещаю. А тому, кто под руку сунется, может.

– Верю. – Григорий покосился на разбитую пулей плитку.

Герман проследил за его взглядом.

– Это мои залатают, – пообещал он. – А что Ларка такой шухер устроила, извиняй. Перепугала вас...

Григорий обиделся:

– Сдурел, что ли? Это она Вадима с тетками перепугала, а я – военврач все-таки. Угрозу жизни от бабской истерики отличу как-нибудь.

– В натуре не сердись?

Григорий припомнил армейский лексикон и предельно доступно рассказал, что он думает о вопросах Германа, о нем самом и его ближайших родственниках.

Герман, ухмыляясь, поднял руки:

– Убедил, сдаюсь... Ладно. Будь здоров, эскулап. Евгеньичу – привет. – Оглянулся на Сталкера. Пробормотал: – А вот увидишь – ни фига ему не будет! Оклемается. – И стиснув пальцы Григория так, что тот крякнул, вышел в коридор.

– Шелдон! – повелительно раздалось оттуда. – Рон! Выдвигаемся.

Только потом, отвечая на расспросы Кирилла, Григорий обнаружил, что понятия не имеет, в каком направлении Герман «выдвигался».

***

Проснувшаяся наконец-то – проспала она больше суток – Лара, узнав, что Герман ушел, ни о чем больше не спрашивала. Просто кивнула.

Вылезла из кровати и с неудовольствием оглядела свой наряд – конфузливая Светлана Борисовна, то и дело с опаской вздрагивая, ухитрилась-таки натянуть на пациентку пижаму.

Устремилась к Кириллу. Знакомым уже жестом положила ладони ему на лоб и грудь. Подождав, оглянулась на Григория.

– Сколько я провалялась? – Голос звучал хрипло, адаптка закашлялась.

– Сутки.

Лара кивнула.

– Бункерного уколоть надо. Где шприц?

Григорий вытащил из холодильника достопамятный шприц. После категоричных разъяснений Германа, забирать препарат Вадим не рискнул. Капнул немного на лабораторное стеклышко и, подхватив контейнер с реактивами и тетради с записями Кирюши, умчался к себе, исследовать.

Адаптка молча, как должное, приняла лекарство. Ввела Кириллу. Подождала. Удовлетворенно кивнув, перешла к Сталкеру. Положила ладонь рядом с раной – Светлана Борисовна охнула.

– Антибиотик давал?

– Разумеется.

– Какой, покажи.

Григорий, заранее решивший ничему не удивляться, продемонстрировал ампулу из-под препарата. Адаптка посмотрела удивленно:

– На фиг мне пустышка? Полная нужна.

Григорий, пожав плечами, вытащил из коробки новую ампулу. Лара умело отломила кончик. Вытряхнула каплю на ладонь. Лизнула... Замерла.

Выглядело происходящее почти колдовством. Григорий поймал себя на том, что ждет магических пассов и напевных заклинаний, но ничего подобного адаптка не сделала.

– Нормально, – решила она. Вернула ампулу. – Спрячь пока на холод. К утру еще вколем.

– К утру, – сухо объявил Григорий, – самое позднее – завтра вечером, я собираюсь его прооперировать. У твоего друга начинается гангрена. С такими вещами тянуть нельзя.

Парня было жаль. Но все шесть лет в Академии и еще два года – в ординатуре Григория учили, что живой человек без конечности однозначно предпочтительнее, чем полностью укомплектованный мертвец.

«Вы не представляете, как люди любят жить, – рассказывал им, тогда еще желторотым курсантам, читавший хирургию профессор. – И наша задача – сохранить им эту жизнь. Без рук, без ног, без глаз или ушей – неважно! Пациент должен выжить. А как уж дальше он распорядится этой жизнью, не наше с вами дело».

И мысли Григория сейчас были только об одном: у кого из персонала хватит стойкости ассистировать при операции. Ни Оле, ни Светлане Борисовне наблюдать за отпиливанием конечностей до сих пор не приходилось.

Лара слову «прооперировать» не ужаснулась – возможно, просто не поняла, о чем речь. Она деловито рассматривала ногу Сталкера, дренаж и отводящую трубку. Спокойно, как с равным, с Григорием согласилась:

– Да, это можно – дохлое убрать... Я помогу, если надо. Я в Нижнем в больнице работала, тетя Ася хвалила! А вообще, нормально заживает.

Григорий нахмурился. Подошел к Сталкеру, собираясь показать адаптке, как выглядят «нормальные» ткани, а как – «дохлые». И объяснить, чем опасно омертвление. Но, подойдя, заготовленной речью подавился. Рана Сталкера выглядела в точности как утром, страшной черноты по краям и миллиметром не прибавилось.

– Спасибо тебе, доктор, – поднимая на Григория глаза, серьезно проговорила Лара.

Хуже Рэду не стало ни к утру, ни на следующий вечер. Могучий, не избалованный лекарствами организм воспринял антибиотик с удивительной благодарностью, ни у кого из прошлых пациентов Григорий подобного не наблюдал. Рана очищалась на глазах. Температура спадала. На третье утро Сталкер пришел в сознание.

Лара восприняла это, как должное – не сомневалась, видимо, что так и будет. Гораздо больше адаптку беспокоил Кирилл.

К нему она подходила часто. Подолгу держала ладони на груди и лбу и то, покачивая головой, отходила, то принималась копаться в «аптечке» – тканевом сундучке, набитом, помимо обычных лекарств, подозрительного вида пузырьками. Потребовала забрать у Вадима обнаруженную в контейнере пробирку с темным порошком. Вадим не хотел отдавать, стоял насмерть, и пришлось пригрозить бунтом адаптки.

Заполучив пробирку, Лара вытряхнула из нее в ампулу несколько крупинок. Накапала туда же воды. Смесь зашипела, над ампулой вскипел и испарился густой, белого цвета газ – адаптка заранее отвела руку, видимо, предстоящая реакция была ей хорошо знакома. Несколько раз, с промежутками, встряхивала – до тех пор, пока раствор не приобрел мутно-голубой оттенок. Капнула на ладонь. Лизнула. Замерла.

Адаптка не нуждалась в аптекарских весах и сложных приборах. Она, сама в себе, была уникальным лабораторным комплексом. Не имея представления даже об элементарной химии, отлично знала, какое лекарство нужно больному. Какая концентрация лечящего вещества, и в какой момент обозначенное вещество следует вводить...

Это было абсолютно необъяснимо. Но это было так.

«Слава богу, что я не ученый! – думал Григорий. – Как хорошо, что обыкновенный военврач».

Глава 2

Бункер. 2 дня после возвращения. Григорий

Слухи о том, что услуги выпускников военно-медицинской Академии востребованы в таких местах, как Институт, среди курсантов ходили. Но для себя Григорий такой судьбы не предполагал – был уверен, что человеку «с улицы» в подобное заведение не попасть, и предложению о переводе несказанно удивился. Получил его спустя четыре года армейской службы и ухватился с радостью: наконец-то забрезжила возможность наладить личную жизнь.

После полевых госпиталей и медсанбатов, после контузий, ранений и смертей «в результате невозможности оказания квалифицированной медицинской помощи» уютная, оснащенная новейшим оборудованием клиника Института показалась Григорию раем.

Он заверял больничные листы и оформлял декретные отпуска. С неподдельным вниманием выслушивал жалобы на головные боли и несварения желудка. Проводя неспешные профилактические осмотры, выписывая направления в санатории и пансионаты, Григорий сам себя чувствовал курортником. Он вернулся к заброшенной диссертации, женился. Вскоре Галя забеременела. А в день, когда все случилось, уехала отдыхать на море – Григория задержали на работе, он должен был присоединиться к жене не позднее, чем послезавтра... Наступило ли для Гали послезавтра, или она, вместе с будущим малышом, погибла в день катастрофы, Григорий старался не думать.

У каждого из бункерных жителей были за спиной похожие истории, своя боль и свое горе. Утешение люди находили в работе. Трудились над созданием лекарств, сборкой генераторов. Многие искренне верили, что когда-нибудь жизнь на поверхности вернется на круги своя, нужно лишь ждать и надеяться. И разрабатывать вакцину.

Больше всех вакциной грезил Вадим. В возможности ее создания не сомневался и умел заразить своей верой окружающих.

В последние годы в его словах мелькало, что катастрофа явилась едва ли не благом для человечества! Теперь, когда продолжение людского рода напрямую зависит от воли тех, кто собрался в Бункере, можно будет воспитать новое общество. Сызмальства прививая будущим его созидателям тягу к знаниям и стремление к самосовершенствованию, на выходе Вадим предполагал получить едва ли не новую расу – счастливых, гармоничных, всесторонне образованных и развитых людей. Выращивать новую расу предполагалось в инкубаторе, Вадим вполне серьезно рассуждал о необходимости создания такого. Естественное зачатие, так же как последующее вынашивание и воспитание детей на поверхности, полагал глупостью и безответственностью.

– Думаю, никому тут не надо объяснять, что адапты смогут воспитать только новых адаптов, – горячился он. – И, если уже сейчас они – полуграмотные дикари, то следующее поколение неизбежно скатится к каменному веку! Остаться людьми нам помогут только контроль и правильное воспитание. Много, разумеется, будет зависеть от генофонда, но в целом наше будущее – в наших руках. Основной задачей я вижу воспитание поколения, чьи мысли будут устремлены к развитию и совершенствованию – так же, как наши...

– А кормить-то их кто будет, – ехидно вопрошал Григорий, – твоих высокоразвитых?

– Разумеется, кому-то придется заниматься и производством, и сельским хозяйством, – небрежно отмахивался Вадим, – это неизбежно. Как неизбежно и то, что равно способными к наукам дети быть не могут... Все мы прекрасно знаем о существовании методик, позволяющих выявить интеллектуальный потенциал уже в двух-трехлетнем возрасте, определить каждому

ребенку его целевую функцию – вполне в наших силах. Таким образом, новое поколение будет расти и развиваться с уже заложенным пониманием того, чем им предстоит заниматься в будущем. Варварские общины, вроде той, что создал Герман, в цивилизованном обществе недопустимы! Мы создадим и воспитаем совсем других людей. Ответственных, целеустремленных, ставящих во главу угла знание, а не грубую силу...

– Ты бы для начала Олегом занялся, – саркастически ворчал Григорий. – Попробуй из него воспитать ответственного и целеустремленного? В качестве, так сказать, опытного проекта?

Вадим досадливо морщился.

– Олег – сложный мальчик... Но этот случай лишь подтверждает мою теорию! Кирилл и Даша – умницы, надеюсь, с этим ты не будешь спорить?

Григорий не спорил. Споры с Вадимом он вообще почитал гиблым делом. Сергей Евгеньевич над фантастическими мечтами Вадима тоже посмеивался, приговаривая, что не стоит делить шкуру неубитого медведя. Сначала – вакцина, а уж о построении счастливого общества еще будет время подумать.

В душе Григорий был уверен, что выращивание людей в инкубаторе – даже если получится это осуществить, ресурсами для его создания Бункер, по слухам, обладал – чушь собачья. А Вадик – идеалист. Фантазер... Да и что с него взять, в Бункер мальчишкой-аспирантом попал, как и Лена, Сергей рассказывал, что по какой-то госпрограмме. Взрослой жизни понюхать-то толком не успел.

Детям нужны не воспитатели, а родители. Дети в салочки должны гонять на свежем воздухе, а не под землей в мониторы таращиться... Но свои мысли Григорий предпочитал держать при себе. Сергей прав, преждевременно об этом думать. Вот если с вакциной и впрямь все получится... Глаза-то у Вадима после того, как вскрыл привезенный из Новосибирска контейнер, ярче прожекторов горели. То и дело прибегал осведомиться: как там Кирюша?.. Отчаянно нуждался в толковом помощнике. А уж с Лары и вовсе с живой не слез бы, тут Герман как в воду глядел. На атомы бы разложил, чтобы до сути ее способностей докопаться! Умордовал бы анализами и опытами...

Это я здесь, – думал Григорий, – с ними со всеми таких чудес насмотрелся, что уже ничему не удивляюсь. Каким-то образом девчонке это удастся. Результат налицо – ну, и слава богу.

***

Лара оказалась идеальной медсестрой, Григорий нарадоваться не мог. Приняв душ и поев – Светлана Борисовна адаптским аппетитом шумно восхищалась: «Вот бы Дашенька так кушала», – Лара переоделась в извлеченные из рюкзака шорты и майку. А минуту спустя появилась на пороге ординаторской со словами:

– Командуй, доктор.

В том, что Григорий ее помощь примет, очевидно, не сомневалась. Надела одолженный Олей белый халат, выпросила у Светланы Борисовны, что где лежит, и сноровисто взялась за дело.

Лара не чуралась ни крови, ни гноя, ни того, что в медицине принято именовать отходами жизнедеятельности. И Кирюшу, и здорового Сталкера ворочала легко, будто котят. Убедившись, что Григорий ей доверяет, превратилась в удивительно словоохотливую, улыбчивую и дружелюбную девушку.

Врач прослушал всю историю похода. Узнал и о том, что Лара видела своими глазами, и о том, что происходило без нее – пока раненная адаптка «прохлаждалась» в больнице, в Нижнем. Слушал и только головой качал.

Вадим подробностей походной жизни адаптов близко себе не представлял. Иначе ему бы в голову не пришло, что Кирюша, хилый бункерный книгочей, сможет подобное выдержать.

Предварительно Лара взяла с Григория слово «Ваде» ничего не рассказывать.

– Бункерный, как очухается, пускай сам решает, что говорить, – прокомментировала просьбу она. – А то вдруг, я расскажу, а ему потом по шее! У вас ведь тут не по-людски всё...

В том, что «бункерный» – то есть, Кирилл, – «очухается», Лара не сомневалась. И Григорий, хотя парень был по-прежнему плох, с каждым днем все больше ей верил. На вопрос, как она догадалась, что Кириюшу может спасти нижегородский порошок, Лара, к изумлению Григория, ответила, что Кирилл сам приложил руку к своему спасению. В какой-то момент сумел найти понятные для адаптки слова и рассказал ей, что представляет собой сотворенный в Нижнем препарат. И как именно, по мнению «деда» из Омска, он должен влиять на человеческий организм.

***

Из Владимира Рэд, Кирилл и Лара удирали верхом на выпряженных из телеги лошадях. Одну оседлал Рэд, другую – Лара с Кириллом. Кирилл верхом ездил плохо – не успел научиться, просто объяснила Лара, – и сидел позади адаптки, держась за нее. Джек, Олеся и Гарри – прочие адапты, входившие в «отряд», – остались прикрывать отход. И пока об их дальнейшей судьбе не было ни слуху, ни духу – об этом Григорий, по тоскливо отведенным глазам Лары, догадался сам.

У соперника тоже были лошади. И отличное умение с ними обращаться. Вдогонку удирающим бросились сразу пятеро конных.

Двоих, по словам Лары, Сталкер «положил» сразу. Еще одного сумел «снять» Кирилл – у самой Лары, сидевшей перед ним и правящей лошадьё, возможности стрелять не было.

Ну, Кириюша! – думал Григорий, глядя на оплетенное трубками капельниц тело. Нежный, болезненный головастик. Когда-то с трудом поднимавший пятилитровую канистру с дистиллированной водой и горько рыдавший, когда на его глазах издохла лабораторная мышь – Любовь Леонидовна закатила тогда серьезную истерику, в ход шли такие слова, как «безнравственность», «цинизм» и «душевная травма». Стрелял на поражение! Будто герой вестерна, на полном скаку... Это казалось немыслимым. Но, по словам Лары, так и было.

Момент, в который ранили Кирилла, Лара почувствовала. Крикнула, не оборачиваясь:

– Сильно задела? – Она была уверена, что на Кирилле бронежилет. О том, что в бронежилет «ушибленный на всю голову бункерный» завернул драгоценный контейнер, спутники узнали позже.

Рэда рубанули по бедру тесаком – для ближнего боя воинство Толяна использовало что-то вроде мачете, догонявший сумел приблизиться на нужное расстояние, патроны к тому времени закончились и у преследователей, и у беглецов. Парень упал с ножом в груди, на таком расстоянии Рэд не промахивался, но дело было сделано. А вдали виднелись еще всадники. Лара и Рэд погоняли лошадей, как могли. И тут над горизонтом, прорвав тучи, показалось солнце.

Рэд намеренно пошел на прорыв перед восходом – надеялся, что в это опасное время броситься в погоню враги не рискнут... Рискнули. Однако сейчас и удирающие, и догоняющие ясно видели, что двигаться дальше нельзя. Погоня застопорилась, а у Рэда с Ларой выбора не было, для них остановка означала верную смерть.

Скакали до тех пор, пока не решили, что достаточно оторвались. Затащили обмякшего на спине у Лары Кирилла в палатку. Тут-то и обнаружили, что этот псих – без бронежилета.

Раздев Кирилла, Лара ахнула. Кожу вокруг ран вспучивало на глазах. Раны, определила она, не смертельные, хотя операция, безусловно, нужна. Беда в том, что не доживет бункерный до операции. От ожогов загнется раньше... Им с Рэдом тоже досталось, но они-то выкарабкаются, это Лара знала точно. А Кирилл умирал. Сталкер, едва глянув на разливающуюся по телу бункерного смертельную багровость и встретившись глазами с Ларой, тоже это понял.

Вынул из рюкзака Кирилла злополучный контейнер. Собирался отдать его Ларе, девушка пострадала меньше него, ее шансы добраться до Бункера представлялись более высокими.

– Главное – порошок, – со злостью напомнил Рэд.

Лара – она сама ненавидела и чертов ящик, погубивший Кирилла, и Бункер, куда должна была его передать, – с яростью проводила контейнер взглядом. И вдруг вспомнила то, о чем рассказывал на пароходе Кирилл.

Про порошок. Про «прививку»! Хуже бункерному она все равно не сделает, ему до смерти едва ли пять минут осталось.

– Забинтуйся сам, – бросила Сталкеру Лара, – не мешай.

Она достала пустой шприц и натрясла туда крупинок порошка. Разбавила водой из фляжки. Попробовала. Что чувствует адаптка, «пробуя» лекарства, объяснить она не смогла: «Просто знаю, как правильно, и все».

Сначала получилось «сильно густо», и пришлось добавлять воду – до тех пор, пока смесь не стала «правильной». Кирилл слабел с каждой секундой и уже едва дышал. Лара, с ушедшим в пятки сердцем, ввела ему получившийся раствор. Замерла, держа руку на груди.

Прошло несколько долгих минут. Кирилл дышал. Лара почувствовала, что умирать он передумал.

– Сталкер, – позвала она, – дай-ка руку.

Сколько раз колола так Кирилла, Рэда и саму себя, Лара не смогла сказать. Задерживаться в Пекше адапты не стали, опасались возобновления погони. Сменили лошадей и поскакали дальше.

Скакали две ночи, Кирилл слабел на глазах. И Рэд, Ларе это было ясно, держался уже на одной только силе воли. Адаптка интуитивно понимала то, что не смогла объяснить Григорию словами: чудо-порошок поддерживает их жизни, но одного его мало. Кирилла необходимо прооперировать, Сталкеру нельзя двигаться, ему нужно вычистить рану и лежать – но солнечные ожоги были для них уже не так губительны.

Именно поэтому, когда на исходе последней ночи небо начало светлеть, а до Бункера оставалось всего ничего, Рэд и Лара решили не останавливаться. Гнали из последних сил, не щадя ни лошадей, ни себя. И оказались у заветного люка почти в полдень.

***

Рэд, едва открыв глаза, попробовал подняться на ноги. Григорий сделал ему выговор, и Лара «доктора» поддержала.

Но на следующую ночь, войдя в палату, первым, кого увидел Григорий, был стоящий у кровати Рэд. Держась за ее спинку, он пытался шагать на месте. Что такое обязательная после ранения гимнастика, адапту рассказывать не пришлось – пришлось удерживать едва ли не силой, чтобы не перегружал больную ногу. А в один прекрасный вечер, явившись, как обычно, в реанимационный блок, Григорий обнаружил, что там нет никого, кроме по-прежнему бесчувственного Кирилла.

Врач метнулся в палату, где размещались Лара и Рэд – сидеть в разных помещениях адапты отказались наотрез, чем вызвали очередной конфуз у Светланы Борисовны, – но там тоже было пусто. Ни ребят, ни их громоздких рюкзаков.

В душевой сох выстиранный халат. А в истории болезни Кирилла – это Григорий обнаружил, вернувшись в реанимацию, – прямо под его собственными вчерашними записями о температуре и давлении, большими печатными буквами было накарябано:

«ПАРАШОК НИКАЛИ ВСЕ НАРМАЛНА ПРИВЕТ ДОКТОР».

Ничего не понимающий Григорий подошел к Кириллу. Привычно положил руку парню на лоб... И вздрогнул, таким холодным тот показался. Температура у Кирилла спала. С этой ночи он уверенно пошел на поправку.

Бункер. Восемь дней после возвращения. Григорий

– Что с ребятами? – Этот вопрос был первым, который, сумев говорить, задал Кирилл.

Поначалу его плохо слушался голос, и все, кто заботливо окружил раненого – Сергей Евгеньевич, Вадим, Елена, немедленно примчавшиеся, узнав, что Кирюша очнулся, Любовь Леонидовна с «малышами», – никак не могли понять, о чем он спрашивает.

– Реактивы здесь, – успокаивал Сергей Евгеньевич, – твои записи здесь! Все в порядке. Ты сумел, ты вернулся! Ты молодец, Кирюша.

А парень все пытался выдавить из пересохшего горла вопрос, и, похоже, злился, что его не понимают. Обводил взглядом палату, силясь увидеть то, что так беспокоило.

– Попей. – Елена поднесла к губам Кирилла трубку от капельницы, другой ее конец был опущен в стакан с витаминным коктейлем.

Кирилл сделал несколько торопливых глотков.

– Хэт?.. – прохрипел он. – Аха?..

Окружающие переглянулись.

– Не понимаем, – огорченно признался Сергей Евгеньевич. – Не спеши, пожалуйста. И не волнуйся, голос скоро вернется. После ожогов, к сожалению, такое бывает.

В недовольных, даже злых глазах Кирилла Григорий вдруг ясно прочитал, что парню и без Сергея Евгеньевича хорошо известно, что и как бывает после ожогов. Он ждет от посетителей совсем не этой информации.

Кирилл шевельнул рукой. Заметил в ней катетер, поморщился. Осторожно, чтобы не выдернуть иглу, поднес дрожащую кисть к носу. Согнул указательный палец, изображая что-то вроде орлиного клюва.

– Господи, да что с тобой?! – всхлипнула Любовь Леонидовна. – Кирюшенька, малыш! Что ты такое показываешь?

– По-моему, он про адаптов спрашивает, – подал голос Григорий, – про Сталкера.

Кирилл повернулся к нему и задергался, кивая.

– Не бойся, – захлопотала Любовь Леонидовна, – нету тут этого бандита! И девки этой сумасшедшей тоже нет!.. Все хорошо, мой маленький! Никто тебя не обидит.

Кирилл издал тоскливый хрип. С натугой помотал головой. Посмотрел на Григория – похоже, врач был единственным, кто на фоне всеобщей бестолковости еще вселял в него надежду.

– Твои друзья живы, – успокоил Григорий, – они уже дома. У Германа.

– А шех?!.. – выхрипел Кирилл. – О-е-хя?.. Ха..их?

Григорий развел руками:

– Прости. Не понимаю...

– Маленький мой, тебе нельзя волноваться! – Любовь Леонидовна нежно погладила Кирилла по остриженной под машинку голове.

Парень покосился на руку воспитательницы. Попытки высвободиться не сделал – не смог бы – но и удовольствия прикосновения ему определенно не доставили. Растроганная Любовь Леонидовна этого не заметила.

– Лежи-и, отдыха-ай, – напевно уговаривала она. – И не нужно ни о чем беспоко-оиться... Ты до-ома, с нами. Все хорошо-о. Друзья-а твои тут...

Кажется, Олега с Дашей Кирилл заметил только сейчас. Натянuto, без эмоций, улыбнулся. Интересовали его явно не они. Нетвердой рукой попробовал поймать трубочку с напитком – этот жест Любовь Леонидовна поняла и тут же с причитаниями поднесла трубочку.

Кирилл принялся глотать раствор. Сосредоточенно, чередуя глотки с долгими перерывами. Вряд ли он хотел пить, он будто бы решал сложную задачу. Убедился, что никто из собравшихся помочь ему не может, и начал помогать себе сам.

Григорий смотрел на серьезное, повзрослевшее лицо парня и думал о том, как же сильно когда-то ошибся.

***

Узнав два года назад, что для выполнения «миссии» Вадим избрал Кирилла, Григорий этот выбор категорически забраковал. Конечно, Кирилл, в отличие от Олега, не страдал ожирением – к чему, считал Григорий, основательно приложила руку Любовь Леонидовна – и не мучился, подобно Даше, головокружениями и одышкой. Но обладал уникальной способностью простуживаться от любого сквозняка и переболел за детские годы всеми мыслимыми болезнями.

Готовя мальчишку к миссии, Григорий, конечно, накачивал его витаминами и иммуномодуляторами. Пытался даже, несмотря на писклявые протесты, закаливать, пока об этом не проведала Любовь Леонидовна, – ух, какую истерику тетка тогда закатила! – но еженощно убеждал Вадима в том, что подобная экспедиция для Кирюши – верная смерть. Он не дойдет даже и до Купавны, свалившись по дороге с ангиной или гриппом. У него ведь даже половое созревание началось позже всех! Если Олега и Дашу Григорий начал угощать антилавром еще в тринадцать лет, то Кирилл оставался невинным ребенком почти до пятнадцати. Он был самым одаренным интеллектуально, несомненно, самым талантливым – но, вместе с тем, самым физически немогущим из троицы. Самым «невзрослым»!

И только раздев Кирилла на операционном столе, освободив от грязной одежды и бинтов, а потом – выслушав фантастический рассказ Лары, Григорий понял, как глубоко когда-то заблуждался.

Лежавший перед ним парень был ранен, обожжен и измучен. Он горел невыносимой, невыносимой для человеческого организма температурой, на многострадальной коже не осталось не единого чистого участка. Но назвать его «малышом» сейчас, пожалуй, даже у Любови Леонидовны язык бы не повернулся.

На столе лежал взрослеющий мужчина. Адапт, в Бункере такие не жили.

У Кирилла раздали плечи, окрепли руки и ноги. Под потемневшей кожей угадывались мышцы. Григорий рассмотрел твердые мозоли на ладонях, иссеченные порезами пальцы. На теле, из-под вязи опавших волдырей, проступали давнишние ссадины. Правый бок украшал профессионально, явно в стационаре зашитый шрам. Левое плечо – еще один. На лодыжке, вокруг зажившего пореза, обильно расцвели не нынешние, а старые, двух-трехмесячной давности, ожоги...

В эти полгода тело Кирилла прожило десять лет. И, как быстро понял Григорий, голова тоже. Олег с Дашей, даже если им предлагали выбрать книгу для чтения, или блюдо за столом, сначала вопросительно смотрели на Любовь Леонидовну. Кирилл ни на кого из взрослых больше не смотрел. Этот мальчик научился полагаться на собственные силы.

Он прихлебывал витаминную бурду, а посетители, сгрудившись вокруг, пытались развлечь героя разговорами. Рассказать о бункерных новостях, о том, как долго они его ждали – «Все глаза проплакали!» – уверяла, всхлипывая, Любовь Леонидовна, – как надеялись на него и «миссию», и вот, наконец, дождались. Даша осторожно погладила Кирилла по предплечью с утопленным в вену катетером.

Кирилл равнодушно кивал. На Дашино прикосновение покосился, задержав на девушке взгляд – та покраснела и убрала руку, – и по этому взгляду Григорий вдруг отчетливо понял, что парень созрел и в половом отношении тоже. Он уже не понаслышке знает, что такое женские ласки.

Кирилл отодвинул ото рта трубку. Пальцы слушались его все лучше и лучше, мальчишка на удивление быстро восстанавливался. Свои вопросы, очевидно, успел хорошо обдумать.

– Нас... было... шесть... – раздельно, плохо выговаривая согласные, но уже вполне разборчиво произнес он. – Рэд... Лара... я понял. А Джек?... Олеся?... Гарри?... После каждого нелепого и не знакомого собравшимся имени Кирилл тревожно всматривался в окружающие лица. – Что с ними? Они... живы?

Глава 3

Бункер. 15 дней после возвращения. Григорий

– Гриша! Гриша, проснись.

– Что такое? – Разбуженный Григорий сел на кровати. – Кирилл?!

– Да.

– Дьявол... – Первым делом врач напялил очки.

Потом, вскочив, накинул на пижаму халат, сунул ноги в тапочки и попытался устремиться в больничный блок. О том, что еще позавчера самолично предложил Кириллу перебраться из палаты в их с Олегом комнату, вспомнил уже в коридоре.

– Где он?

– У себя. – Вадим придержал Григория за рукав. – Подожди, не беги...

Григорий замедлился. Кажется, нестись сломя голову нужды не было.

– Объясни толком, что случилось? – потребовал он. – Сознание потерял? Температура?

– Нет. – Вадим поджал губы. – Он... Видишь ли... Кирилл пьяный.

Это было так неожиданно, что Григорий не сразу понял. Поняв, остановился и недоуменно нахмурился:

– Блует, что ли?

Вадим поморщился:

– Ты, как всегда – само изящество... Нет, его не рвет.

– Так что тогда? – Григорий по-прежнему недоумевал. – Ну, пьяный – проспится. Чего ты ко мне-то примчался? Времени – знаешь, сколько?

– Гриша! – Вопрос о времени Вадим проигнорировал. – По-моему, ты не понимаешь. Ребенок пьян!

– Вадик... – Григорий разозлился. В конце концов, когда-нибудь нужно было это сказать. – Будь любезен, осознай очевидную вещь! Ну какой он, к чертям, ребенок?.. Парню скоро восемнадцать, мы с тобой в его годы на втором курсе учились. И – не знаю, как у вас, – а в нашей общаге бухали только в путь! И что-то я не припомню, чтобы кто-то из-за этого с выпученными глазами бегал. И людей поднимал ни свет ни заря... Где он выпивку-то взял? – Григорий нащупал в кармане халата сигареты. Двинулся в сторону курилки.

Вадим пошел следом.

– Сказал, что развел водой лабораторный спирт.

– А-а. Ну, хоть развести сообразил. Молодец, не зря учили.

– Не юродствуй, пожалуйста! – Вадим нахмурился. – И не делай вид, что не понимаешь, о чем я беспокоюсь! В гордом одиночестве, втайне от нас употреблять алкоголь – нормально, по-твоему? – Вадим тронул Григория за рукав. – Гриша. Я считаю, что ты обязан обследовать Кирюшу.

– На латентный алкоголизм?

– На любую дрянь, к которой он мог пристраститься на поверхности! После того, как вернулся, Кирюша стал очень странным. У мальчика кардинально изменилось поведение – с этим ты согласен, надеюсь? Ты знаешь, что он мне сказал?

– Пока нет. – Григорий закурил.

– Я... отвел Кирюшу к себе в комнату. Сказал, что не стоит показываться на глаза Олегу в таком виде. Начал расспрашивать...

– Нашел время.

– Ты можешь не перебивать?! Я спросил, для чего понадобилось употреблять алкоголь? Дома, среди любящих и доверяющих ему людей? Сейчас, когда нам предстоят такие исследования, о которых раньше и мечтать не могли?.. Я в очередной раз попытался объяснить, что работа над вакциной теперь выйдет на принципиально новый уровень. Вкратце повторил свои выкладки...

Григорий закатил глаза:

– Вадик, ей-богу, мне уже самому нажраться охота.

– В общем, в итоге, – заторопился Вадим, – я спросил, неужели тебе здесь неуютно? Посмотри, какие люди тебя окружают! Ведь все хорошо, так ведь?.. Хорошо?.. Мне в голову не могло прийти, что Кирилл на это ответит!

Вадим замолчал.

– Ну? – поторопил Григорий. – Что? Спросил, где догонку раздобыть?

– Прекрати. Я повторю его слова дословно, думаю, что тебя они не покоробят.

Поморщившись, будто ему предстояло принять горькое лекарство, Вадим продекламировал:

– Хорошо на печке спать, шубой накрываться! Хорошо козу е...ать – за рога держаться!..

Гриша!.. Гриша, ты что?

Осознав услышанное, Григорий захохотал. Матерщина его, в отличие от Вадима, действительно не возмущала.

– За рога держаться, – всхлипывая от смеха, повторил он. – Да уж... удобно. Надеюсь, у нашего «мальчика» это наблюдение... хотя бы не из личного, так сказать, опыта.

Вадим запыхал от гнева.

– Гриша! Ты ведешь себя, как недоразвитый школьник, честное слово! На моем месте ты бы так же реагировал?

– На твоём – выпорол бы мерзавца как следует, чтобы не хамил. – Григорий отер проступившие от смеха слезы. – А поржал бы потом... Но ты, полагаю, ни того, ни другого не сделал.

– Разумеется, нет! Я велел Кириллу идти к себе и ложиться спать.

– Ясно. Ну, каждому свое. Это ты у нас великий наставник, а я так, погулять вышел... Возвращаемся к тому, с чего начали – от меня-то что нужно? Для чего ты прибежал?

– Я уже сказал. Нужно, чтобы ты протестировал Кирилла на психотропные препараты. Тебе смешно, а мы с Леной всерьез опасаемся за его здоровье. Прежде всего, душевное.

Смеяться расхотелось. Григорий затушил окурок. Отрезал:

– Нет. Никаких тестов.

– Почему?

– Во-первых, потому, что результат в любом случае будет положительным! Парень все еще на обезболивающих – тебе ли рассказывать, что они содержат, в числе прочих, наркотические вещества? Это во-первых. А во-вторых, я считаю Кирилла достаточно здравомыслящим для того, чтобы не употреблять наркотики. Мальчишка повзрослел, вот тебе и всё «изменившееся поведение»! А ты это почему-то в упор замечать не хочешь. Думаешь, если я безвылазно в клинике сижу, так знать не знаю, что вокруг происходит? Не в курсе, как он от вас с Леной отбrehаться пытается: «Разрешите мне заниматься другой темой»?

– Мы с Леной желаем Кирюше исключительно добра! Не хотим, чтобы он тратил время и силы на заведомо провальные эксперименты, а потом страдал от разочарования. То, над чем предлагает работать он, – бред сивой кобылы!

– Ну, может, и бред, вам виднее. Одно скажу: парень вырос, а ты на него все слюнявчик нацепить пытаешься. Сперва на «детские капризы» кивал, а теперь вовсе ерунду выдумал. – Григорий посмотрел на часы. – Вадик, пять вечера! Я спать пошел. – Решительно развернулся и направился в сторону своей комнаты.

Опасался, что Вадим ринется следом, и тогда уж придется его послать открытым текстом, но, слава богу, разобитенный ученый остался в коридоре.

Настороженно оглянувшись и убедившись, что его не преследуют, Григорий резко поменял направление. Вместо своей комнаты устремился в больничный отсек.

Войдя в ординаторскую, плотно закрыл за собой дверь. Придвинул к шкафчику с медикаментами стул. Закряхтев, взгромоздился на него ногами. Открыл верхнюю дверцу шкафчика и удовлетворенно кивнул.

В лаборатории Вадима спирта было немного – небольшая колба, оптику протирать, там и на пару глотков не будет. Основной запас хранился здесь, и Кирилл не мог об этом не знать. Григорий смотрел на пузатую бутылку со спиртом. Он догадался правильно. Из нее не отлили ни капли.

Эх, Вадик, Вадик... Два и два сложить не сумел.

Вчера была суббота. А по субботам в Бункер приходили адапты. Григорий был уверен, что пил Кирилл не один. Но не менее твердо он был уверен в том, что собутельников давно и след простыл. Скачут прочь, как говаривал Герман, резвыми коняшками, чтобы не спалили.

А парень – молодец. Сам, понимаешь, погибай, а товарища выручай... Лихо он, однако, врать насобачился. Вадим проглотил эту бредятину – глазом не моргнул.

Спать расхотелось. Григорий, подумав, извлек из глубины шкафчика припрятанный там стакан. Плеснул на дно спирта – возвращаться к себе за самогоном было лень – неловко слез со стула. Разбавил спирт остывшей чайной заваркой. Отхлебнул. Со стаканом в руке прошел в лабораторию.

Привлеченные загоревшимся светом, в клетке завозились подопытные мыши. Живы, заразы!.. А ведь он их вчера, уколов вакциной, почти полночи облучал.

Григорий насыпал мышам корма. Наблюдая, как едят, и прихлебывая из стакана, качал головой.

Вадим, конечно, может говорить о несостоятельности теории Кирилла сколько угодно. А подопытные мыши, по настоянию последнего, уже которые сутки живут под облучением, воспроизводящим нынешнее солнечное, и прекрасно себя чувствуют.

Возможно, потому что рассуждать не умеют. Неграмотные...

Бункер. 15 дней после возвращения. Кирилл

К удивлению Кирилла, в этот раз телегу с продуктами сопровождал единственный парень, хотя обычно от Германа приходили двое.

– О! – как хорошего знакомого, приветствовал его рослый, плечистый возчик. – Здорово, бункерный. Ты в натуре, что ли, очухался?

– Как видишь. – Кирилл с недоумением – он готов был поклясться, что никогда прежде этого парня не встречал, – протянул адапту руку.

– Меня Шелдоном звать, – сообщил тот. – Это я тебя от люка в больничку тащил.

Вот оно что.

– Сталкер с Ларой у вас? – быстро спросил Кирилл.

– Ага. Давно уж приволоклись.

– Как они?

– Да нормально, чё им будет... – Шелдон оглянулся на телегу. – Слышь, мне потрепать-то – не вопрос, да разгружаться надо. Ты потом заходи, окей?

– Давай, помогу, – предложил Кирилл. – Вдвоем быстрее управимся.

– А можно тебе? Не навешают, что со мной трешься?

– Не навешают.

На самом деле, Кирилл немного опасался, что повариха Валентина Семеновна поднимет панику и его прогонит, чтобы не дай бог не перетрудился. Но получилось все как

нельзя лучше – пожилая подслеповатая женщина, из странного кокетства редко пользующаяся очками, «малыша» попросту не узнала.

– Новенький, что ли? – без интереса скользнув взглядом по темнолицей фигуре в майке и камуфляжных штанах, спросила она.

Отправляясь в лабораторию, Кирилл, чтобы не расстраивать Любовь Леонидовну, надевал рубашку и джинсы – хорошо, что хотя бы от безрукавки отмахаться удалось – помня, что воспитательница потратила не один час, подыскивая ему новую одежду. Старая стала неприлично мала, рубашка, при попытке втиснуть в нее плечи, опасно затрещала, а издеваться над джинсами Кирилл и пробовать не стал. Но, вернувшись в комнату, с удовольствием облачался в привычную адаптскую униформу. Простреленную футболку и драный комбез утилизировали, а штаны и головную повязку Кирилл нашел у себя в рюкзаке, постиранными и сложенными. Под вещами лежали кобура с пистолетом и ножны с клинком – тщательно, с любовью вычищенные. Ни записки, ни словесного приветствия адапты Кириллу не оставили. Но и сомнений в том, кто привел в порядок его одежду и оружие, у Кирилла не было.

– Ставь аккуратней! Небось, не у себя в деревне. – Неловко опустившего ящик Кирилла стегнули по рукам тряпкой. – Помидорки замнешь, портиться начнут! А мне ими ученых кормить, ребяток. Кирюшеньку раненного...

Кирилл вышел в коридор за новым ящиком, едва сдерживая смех.

– Это ты, что ли? – подтолкнув его в бок, хохотнул и Шелдон. – Кирюшенька-то ранетый?

Кирилл кивнул.

– Лихо тут у вас! Своих не признаете.

Должно быть, на посерьезневшем лице Кирилла Шелдон прочитал, что ему тут и впрямь «лихо». Посерьезнел сам. Сочувственно спросил:

– Треснуть, небось, и то не с кем? Я знаю, у вас с этим делом строго... – Но, несмотря на знание бункерных порядков, светлые адаптские глаза смотрели на Кирилла обнадеживающе.

***

Через полчаса с разгрузкой продуктов закончили. С непривычки Кириллу пришлось тяжело, но, в целом, руки и ноги физической работе обрадовались. Знакомо застывшие без движения мышцы.

– Теть Валь, – заговорщически покосившись на Кирилла, позвал Шелдон. – Клюква нужна?

– Свежая?

– А то! Только пошла.

– Чего хочешь, жулик? – Валентина Семеновна закрутила кран, отвернулась от раковины и выжидательно уперла руки в бока.

– Да закуски бы... – До дипломатических талантов Джека Шелдону было далеко. Но просительное смирение и у него получалось неплохо. – Хоть какой бы, немудрящей! Тебе, небось, ничего не стоит, а мы бы с корешем перед сном махнули по чуть-чуть, за твое здоровье.

– Алкаши малолетние, – проворчала Валентина Семеновна. – Все Сергей Евгеньичу расскажу! Пусть он вашему Герману нажалуется.

Но рассказывать, разумеется, не стала. Привезенная Шелдоном клюква была, к удовольствию обеих сторон, обменена на шматок сала, вареную картошку и банку маринованных грибов. Кроме того, грузчиков здесь же, на кухне, накормили ужином.

Уже успевшему поесть Кириллу – питался он после возвращения обычно прямо в лаборатории, чтобы не тратить время на походы в столовую, – пришлось кормиться во второй раз. Но, памятуя золотую мудрость адаптов о том, что завтра еды может вовсе не случиться, не отказался. Только, пока ел, старался не поднимать лицо от тарелки. И на всякий случай помалкивал, вдруг Валентина Семеновна узнает его по голосу.

– Дурачок, что ли? – кивая на Кирилла, осведомилась Валентина Семеновна. – Молчит-то все?

– Да он заикается шибко, – не моргнув глазом, объяснил адапт. – Когда мелкий был, мерин его лягнул. Вот и молчит.

Кирилл от неожиданности поперхнулся и закашлялся.

– Бедненький, – расчувствовалась Валентина Семеновна, – кушай! – Она поставила на стол половину пирога. – Ребяткам пекла, с яблоками! Олежек-то хорошо поел, и Кирюшеньке в лабораторию отнес. А Дашенька, как всегда, еле клюнула.

– С собой заберем, – решил Шелдон. – Спасибо, тетя Валь. Ребяткам – привет.

– Вот еще! Наши ребятки, небось, не вам, охламонам, чета! Сдались им твои приветы...

Ворча, Валентина Семеновна принялась убирать со стола. Шелдон с Кириллом, захватив приготовленную снедь, потихоньку ретировались. Кирилл мимоходом подумал, что никакого пирога он в лаборатории не видел. Не донес, видимо, Олег поварихино угощение.

***

– Тебя хоть не хватятся?

Шелдон и Кирилл расположились под вентиляционными фильтрами, сквозь которые в Бункер закачивали воздух. В верхнем ярусе была оборудована небольшая комнатка, правильный куб со стороной около двух метров – должно быть, по плану помещение предназначалось для ремонтников, обслуживающих вентиляционную систему. Сейчас у одной из стен стоял топчан, а перед ним – перевернутый и застеленный пленкой ящик.

– Не хватятся, – успокоил Кирилл. – Я Вадиму сказал, что спать пошел. А что это за место? Вы ведь не здесь живете?

– Не-е, ты чего! Чтобы дрыхнуть, у нас своя камора. А сюда мы курить сбегали, когда мелкие были. Только смотри, не спали контору! Тут, видал, какие заначки? – Приподняв ветхое покрывало, Шелдон продемонстрировал целую батарею аккуратно, с адаптской обстоятельностью, выстроенных под топчаном бутылок.

Из принесенного с собой рюкзака достал и расставил на ящике приготовленную Валентиной Семеновной закуску. Поднял наполненный стакан.

– Ну – здорово, что ли, бункерный? Я-то, когда тебя нес, не обижайся только – думал, что зря ташу. Ни хрена ты не жилец. А Ларка сказала, оклемался! Вот я обалдел.

Уютно гудели вентиляторы. В тесной камерке знакомо и маняще пахло улицей. Дождем. Свободой.

Поступавший в Бункер воздух проходил сложную систему очистки, и здесь был только первый этап. Поток еще не разложили на составляющие, не обогатили кислородом и прочими полезными веществами. Воздух здесь был, по сути, обыкновенным уличным воздухом, Кирилл дышал и наслаждался. А Шелдон, пуская в сторону сигаретный дым, рассказывал про Сталкера и Лару.

Рэд всюду разрабатывал раненую ногу – «шрамище», по словам Шелдона, на ней остался такой, что «жуть смотреть». Лара бегала за командиром с порошками и мазями, но, кажется, не очень успешно – «это ж Сталкер, его ж хрена лысого лечиться загонишь». А Герман, в ту же ночь, когда трое беглецов объявились в Бункере, собрав все свое воинство, увел его во Владимир. Поэтому временно развозом продуктов занимался один Шелдон. Он, несмотря на могучую комплекцию, бойцом не считался из-за странного увечья – у парня сильно тряслись руки. «Когда мелкий был, в завале упал. Башкой приложился, ажно до блевоты. С тех пор, видишь – ходуном, заразы, ходят! Мешки таскать могу, а прицелиться никак».

Новые знакомые неспешно выпивали. Кирилл слушал рассказ Шелдона – все, что тот знал со слов Лары. Уточнял, переспрашивал... Ему наконец-то было хорошо. Он был в правильной компании. И разговаривал о том, что действительно интересовало, с тем, кто его с

первого слова понимал. Всего за два часа ни разу прежде не виденный адапт успел стать для него человеком более близким, чем все обитатели Бункера вместе взятые.

Кирилл ведь так никому и не озвучил теорию катастрофы, предложенную Борисом. Рассказал только о выводах относительно воспроизводства. О том, почему, по мнению старика, все случилось, умолчал. Помнил, как шокировали когда-то его самого горькие слова. «Это бред, – до сих пор внушал Кирилл самому себе, – этого не может быть!» Но, тем не менее, ни одна ночь не проходила без размышлений. Он подолгу копался в институтских архивах. Для того, чтобы сделать выводы, очень во многом предстояло разобраться.

Бутылка незаметно закончилась, и Шелдон вытащил из-под топчана вторую. Но, едва успев налить, настороженно поднял палец.

– Тихо! – и по-адаптски бесшумно выскочил в основной коридор.

Кирилл – следом. Вентиляторы перестали мешать. Стало слышно, как вдали, в глубине туннеля, шумят встревоженные голоса.

– Тебя, небось, ищут, – с укором прошептал Шелдон, – а говорил, не хватятся!

Кирилл выругался.

– Наверное, Олег проснулся. – Была у соседа детская привычка вскакивать среди сна в туалет. – Ты к себе побежишь?

– Да ну! Я уж домой двину. Время-то – почти шесть, затрещались мы с тобой. Не заснуть бы теперь в телеге. А то ж, всхрапну – кобылу напугаю... Выпустишь?

– Идем.

Парни быстро добежали до люка.

– А то давай, останусь? – предложил вдруг Шелдон. – Спалишься, что бухой – так скажу, что это я тебя напоил?

– Да еще не хватало! Меня-то пальцем никто не тронет, а тебе от Германа точно влетит. Иди, все нормально.

– Ну, смотри... Нашим-то передать чего?

– Сталкеру скажи, чтобы выздоравливал. А Ларе... – Кирилл подумал. – Ларе ничего не говори. Просто привет... Скажи, что я ей сам все скажу, когда увидимся.

– Окей. – Шелдон взял под уздцы лошадь. – Бывай, бункерный! Через неделю либо я, либо Рон приедет. Ты уж тогда получше шифруйся.

Кирилл закрыл за Шелдоном люк. И быстро пошел в сторону шумящих в коридоре голосов, пока Олег с Вадимом не перебудили обитателей. Трезвым он себя, конечно, не чувствовал, но случалось бывать и гораздо пьянее.

Рассказывать об этом Вадиму, конечно, не стал, тот и без того так разохался, как будто Кирилл на званый вечер без штанов явился. Кирилл отбrehивался вяло, ему важно было отвести подозрения от Шелдона, а там, как говаривал Джек, хоть трава не расти. Беспрекословно пошел за Вадимом к нему в комнату – «домой» наставник его не отпустил, дабы не смушал «непотребным видом» Олега.

Назидательная речь о вреде пьянства, начатая Вадимом еще в коридоре, плавно перетекла в опостылевшие до смерти вопросы: чего же такого Кириллу не хватает для того, чтобы стать прежним? То есть, прекратить спорить со взрослыми, избавиться от скверных привычек, обретенных в обществе адаптов – громкого смеха, нелитературной лексики и резких движений – и начать, наконец, заниматься тем, к чему бесконечно любящие люди готовили «малыша» с самого детства. То есть, продолжить опыты, связанные с синтезом вакцины, вместо той ереси, над которой он с таким упорством – качество, несомненно, так же перенятое у адаптов, – трудится.

Кирилл, слушавший Вадима поначалу равнодушно, почувствовал, что начинает злиться.

Он ведь не отказывался работать! Он вовсе не собирался сидеть трутнем на шее у тех, кто его вырастил и выучил. Он изо всех сил рвался снова заняться наукой. Наконец-то, люби-

мым делом! Сколько раз в походе мечтал о том, как вернется в Бункер. Как окажется среди знакомых с детства людей – умных, чутких, понимающих. Но вдруг, непонятно почему, эти люди перестали его понимать. А он – их. И дело было даже не в постоянных спорах.

Просто однажды, в очередной раз ворочаясь без сна – в походе с ним такого не случилось, несмотря на твердую землю под спальником, пробивающийся сквозь что угодно свет и разноголосый храп, – Кирилл понял вдруг, что ему безумно не хватает других людей. Он даже на кровати сел, поняв, как сильно, оказывается, скучает. По ворчанию Рэда, по перепалкам с Джеком. По смеху Лары и молчаливому одобрению Олеси.

Ему не хватает дороги. Топота копыт, уюта палатки, хохота у костра. Не хватает азарта спаррингов. Радости от меткого попадания в мишень и от того, что сегодня наконец, после многих бесплодных попыток, сумел вытолкнуть себя над перекладиной.

Не хватает ощущений, запахов. Остывающего соснового леса, теплого, прогретого за день песка под босыми ступнями. Ласковой озерной воды, полевых цветов в Ларином венке... Про Лару, и вообще про девушек, Кирилл изо всех сил старался не думать.

Он скучал даже по пропахшей дымом, успевшей за полгода опостылеть до смерти, каше. Даже по ненавидимым прежде занятиям, вроде стирки или мытья котелков. Раздражало то, что раньше казалось единственно приемлемым – не хохотать в полный голос, не ходить раздетым, не проглатывать поданные блюда в пять минут. После густых и ароматных, щедро приправленных травами адаптских похлебок – неважно, из чего, лишь бы сытно, – «сбалансированные» бункерные обеды казались Кириллу пресными. Чай и морсы – жидкими и несладкими. А уж к любимому когда-то кофе он, после Толянова угощения, вовсе ни разу не притронулся.

А еще, осознал вдруг Кирилл под назидательный бубнеж Вадима, в походе его занятиям никто не мешал. Посмеивались, пожимали плечами, но не мешали. Даже фонарь поярче выдали, «чтоб глаза не убил придурок». Джек, и тот выбирал для насмешек другое время.

В походе Кирилл предположить не мог, что здесь занятия тем, что он полагал действительно важным, будут так настойчиво ограничивать! Понял вдруг, что в стерильном воздухе Бункера задыхается. И, когда Вадим завел старую песню о том, как же здесь хорошо, не выдержал. Трезвый – может, нашел бы в себе силы промолчать, а тут сам собой вынырнул из памяти похабный стишок. И сработал как нельзя лучше: Кирилла разгневанно выставили из комнаты и велели не показываться на глаза.

Глава 4

Бункер. 22 дня после возвращения. Кирилл

...И – раз!.. И – два!.. И – три!.. Давай-давай, не ленись. Ишь, как тебя скрючило!.. И – семь! И – восемь!

Кирилл выбрался на стадион позавчера. Заживающие раны еще побаливали, но просиживать сутки напролет под землей стало невыносимо. После встречи с Шелдоном он внезапно понял, что тело жаждет привычной нагрузки. Позавчера до смерти напугал Олега, неожиданно поднявшись и принявшись делать посреди комнаты наклоны и приседания. Олег даже собирался к Григорию Алексеевичу бежать, решив, что у друга детства «помутнение в мозгах»... Но, конечно, никуда не побежал.

Не так давно Кирилл осознал удивительный факт: Олег, про которого Любовь Леонидовна не уставала рассказывать всем желающим слушать, что «малыш еще не нашел себя», был обыкновенным лентяем. Искать себя он предпочитал, играя в игры и поглощая сериалы, электронная библиотека Бункера хранила, казалось, весь колоссальный объем развлечений, созданный человечеством.

Когда-то Кирилла объяснение Любви Леонидовны устраивало. В былые времена он нередко прикрывал Олега, рассказывая воспитательнице, что друг активно занят «поиском себя» – читает с планшета познавательную литературу. Олег, узнав, что Любовь Леонидовну удалось провести, довольно хихикал и снова припадал к планшету. Кирилл тогда только диву давался – как ему не надоест? И как Олег еще не лопнул от такого количества выпрошенных в столовой вкусностей.

Когда Олег с Дашей пришли навестить Кирилла, впервые без Любви Леонидовны, Олег первым делом поведал, что досмотрел «Стрелу и меч». А теперь смотрит «Адских вурдалаков», уже седьмой сезон. И что в «Битве легенд» дошел аж до одиннадцатого уровня. У него уйма оружия и прочих полезных в игре предметов. А Даша скромно рассказала, что посаженная еще при Кирилле новая устойчивая к засухам пшеница отлично прижилась. После дождей Елена Викторовна собирается передать Герману семена.

Кирилл смотрел на друзей и отвлеченно думал, что в поисках себя Олегу здорово помогла бы хорошая порка. А еще, Лара рассказывала, у Германа было принято оставлять лентяев без обеда. Ночь-другую поголодаешь – небось, как миленький прибежишь и будешь спрашивать, чего бы такого полезного сделать. А про Дашу подумал, что когда, отвечая на вопрос Лары, красивая ли она, сказал «да» – был, пожалуй, не так уж неправ. Хотя, конечно, смотря, на чей вкус. Джек характеризовал подобное строение у девушек как «взять-то не за что». И даже, – невесело усмехаясь, думал Кирилл, – если вдруг отыщется желающий «взять», вряд ли Даша поймет, что ему нужно. Скорее всего, сочтет происходящее неслыханным для себя оскорблением и расплатится.

Вот странно: Олеся, например, выдающимися формами тоже не отличалась, но гибкостью и изяществом фигуры напоминала молодую упругую ветку. А узкоплечая, сутулая Даша была похожа на цветок нарцисс, стараниями Елены Викторовны выращенный в бункерной оранжерее – болезненно-бледный, хрупкий до прозрачности, с печально поникшей головой.

Разговаривать с друзьями Кириллу было неожиданно не о чем. А они – Кирилл не сразу это осознал – как и прочие бункерные жители, за исключением, пожалуй, Григория Алексеевича, смотрели на него почему-то настороженно. В Бункере никак не могли привыкнуть к

потемневшей, как у адаптов, коже вернувшегося домой «малыша», к его посветлевшим глазам, краткости речи и быстрым движениям.

Сам Кирилл был уверен, что внешние изменения – не что иное, как побочное действие нижегородского порошка, с Вадимом Александровичем и Еленой Викторовной спорил об этом до хрипоты. Однако переубедить наставников так и не сумел и теперь занимался подведением под сей факт теоретической базы в гордом одиночестве.

Споры в Бункере в последнее время не прекращались. Начать хотя бы с того, что теорию Бориса Вадим Александрович посчитал «псевдонаучной ересью» и категорически настаивал на том, чтобы Кирилл прекратил тратить время и силы на «ерунду», то есть, воссоздание в Бункере нижегородского чудо-порошка. Равно как и на проверку выкладок «выжившего из ума старика». Пришлось побеспокоить Сергея Евгеньевича. Тот, услышав рассказ об омском долгожителе, задумался.

– А как фамилия этого Бориса?

Кирилл недоуменно пожал плечами:

– Не знаю. Он не говорил.

Сергей Евгеньевич огорченно поцокал языком. А Кирилл в который раз подумал, сколь многое о жизни на поверхности бункерным жителям неизвестно. Там, наверху, давно привыкли обходиться без фамилий. Не так много осталось на земле людей, чтобы использовать, помимо имени или прозвища, дополнительный идентификатор. К тому же, девяносто процентов населения составляла сейчас молодежь – люди, бывшие в день, когда все случилось, крохами, едва научившимися говорить. Мало кто из них мог похвастаться тем, что помнит свою фамилию.

– Борис... Борис... – Сергей Евгеньевич потянулся к ноутбуку. Развернул на мониторе новостную ленту шестнадцатилетней давности. – Новосибирск, говоришь... – Он неторопливо пролистывал новости.

В день, когда все случилось, их поток замер навсегда. Но до тех пор мощная бункерная система обрабатывала всю поступающую информацию: сортировала, архивировала, сохраняла... Предусмотрительности создателей Бункера можно было бы петь дифирамбы бесконечно.

– Так... – На экране замелькали заголовки. – Юбилей НГУ. Выступления... Доклады... Вот, нашел! Гости. – Сергей Евгеньевич повернул монитор к Кириллу. – Смотри – «Борис Мещерский, самый титулованный выпускник Новосибирского Университета, отложил в этот день все свои дела для того, чтобы почтить визитом альма-матер...» Он?

Кирилл вглядывался в фотографию молодавого, буйноволосого, пышущего здоровьем мужчины. «Титулованный выпускник» стоял на трибуне в конференц-зале университета. Держал в руке микрофон и вдохновенно ораторствовал. На седого, согбенного старика, тяжело опирающегося на палку, он походил примерно так же, как сам Кирилл на Сергея Евгеньевича.

– Н-нет... Не похож. Хотя... – Кирилл пощелкал клавишами, открывая другие снимки.

Фотографий было много, мировая знаменитость привычно позировала с профессорами, студентами, в окружении журналистов. И с одной из картинок прямо на Кирилла вдруг взглянули знакомые глаза.

Вокруг них еще не было морщин. Кожа мужчины не покрылась пигментными пятнами, не похудело лицо, не сложились в горькую складку губы. На дне глаз не затаились тщательно скрываемые боль и усталость. Но теперь Кирилл уже не сомневался, что перед ним Борис.

«Great Boris», – прочитал он мельком в каком-то заголовке. Ну ни фигя себе...

– Да, – уже с уверенностью подтвердил Кирилл. – Это он. Только очень постарел, поэтому я не сразу узнал.

***

– ... Ну и что, что сам Мещерский? – продолжал, тем не менее, настаивать на своей правоте Вадим. – Мещерский, как известно, занимался квантовой физикой! Какое это имеет отношение к человеческому организму?

– Я, если помнишь, тоже отнюдь не физиолог. – Сергею Евгеньевичу нелегко было говорить. Сердечный приступ, спровоцированный внезапным возвращением Кирилла, старика здорово подкосил. Он быстро уставал, легко расстраивался, и обитатели Бункера старались лишний раз главу не тревожить, руководство внутренними делами как-то незаметно перешло к Вадиму. – Так же, как не физиологи мы с тобой, Лена и прочие, здесь собравшиеся...

– Разумеется. Но мы – химики! Согласитесь, что наша специальность к устройству человеческого организма ближе на порядок.

– Вот именно, – перебил Кирилл, – что химики! Привыкшие судить со своей колокольни. То есть, с точки зрения фундаментальной науки. А для физиков – не вы ли сами рассказывали? – такое понятие, как фундаментальная наука, по определению никогда не существовало. Эти люди готовы были рассматривать любые, самые дикие предположения – и делать самые неожиданные выводы. Возможно, именно поэтому Борис... – Кирилл покосился в монитор. – Эдуардович и сумел создать теорию, противоречащую всему, доселе известному? На том простом основании, что мир, который теперь окружает нас, точно так же противоречит всем известным доселе биологическим законам? Вспомните, вы ведь сами поражались тому, насколько избирательно омертвление детородных клеток. Женские – живы-здоровы, как будто ничего не случилось. А мужские безнадежно мертвы. При том, что организмы животных обо-его пола функционируют в точности как раньше, ничего не изменилось!

Вадим вздохнул.

– Кирюша. Не надо напоминать о прописных истинах! Разумеется, мы об этом знаем. Мало того – тебе рассказывали, что в первые годы после катастрофы мы искали хранилища генетического материала в Москве. Но раскопать ничего не удалось, город был уничтожен пожаром. В одной из экспедиций погиб Михаил Натанович...

Кирилл кивнул.

– Да. Я знаю. Знаю, что, если бы вы нашли уцелевшее хранилище, это стало бы выходом. Я понимаю, что вы боролись, но ничего, кроме расплавленных пепелищ, не нашли... Вадим Александрович, я не об этом! Я пытаюсь объяснить, что Борис, в отличие от нас, не скован в рассуждениях никакими рамками. Он думает нелогично – и вот результат.

– Это не результат, а посмешище! Мы работаем над созданием вакцины уже пятнадцать лет. А твой знаменитый Мещерский едва успел с этим вопросом ознакомиться – и немедленно выдвинул теорию, опровергающую нашу, и не имеющую под собой никаких оснований.

– Ваша теория оснований тоже не имеет.

Вадим нахмурился.

– Хочу напомнить, что твоя миссия была организована с целью получения необходимых веществ для реализации моей – моей, подчеркну! – теории. Ты рисковал ради нее жизнью, а теперь отказываешься работать дальше?

– Я не сказал, что отказываюсь работать. Я предлагаю сменить направление.

– На основании бреда полусумасшедшего старика?

– На основании предположений, которые сделал ученый с мировым именем! – отрезал Кирилл. – И на том основании, что я, несмотря на ожоги, все еще жив. Это ли не свидетельство того, что препарат, который получили в Нижнем, работает?

– Ты просто-напросто адаптировался за время похода.

Тут уж Кирилл едва не рассмеялся Вадиму в лицо.

– До того, как подстрелили, адаптированным не был. А потом, мухой – бац, и адаптировался? Так, что ли?

– Кирюша. – Вадим смотрел печально. Как на лабораторное животное, которое вот-вот издохнет. – У меня нет желания дальше с тобой спорить. Тем более, в таком тоне – общение с адаптами крайне пагубно сказалось как на твоей речи, так и на поведении в целом. Кроме того, Сергей Евгеньевич устал. По-моему, давно пора избавить его от дискуссий.

Сергей Евгеньевич попытался улыбнуться.

– Не спеши хоронить! Пока еще держусь. – Но выглядел действительно неважно. На лбу проступила испарина, дышал старик тяжело, то и дело прикладываясь к кислородной маске. Было заметно, что спор его и впрямь утомил и расстроил. – Кирюша, в самом деле... Мы столько лет занимаемся вакциной. Бросать исследования сейчас, когда у нас наконец-то есть все необходимые вещества, по меньшей мере, неразумно. Во-первых. А во-вторых, твое поведение и впрямь оставляет желать лучшего. Будь добр, извинись.

Так заканчивался каждый спор – обвинением Кирилла в перенятых у адаптов отвратительных манерах и появившейся ужасной привычке не слушать старших. Войдя сюда с твердым намерением объявить Сергею Евгеньевичу и Вадиму о том, что собирается продолжать эксперимент, невольно начатый Ларой, сейчас Кирилл понял, что ничего не скажет.

Слишком постарел за те полгода, что он отсутствовал, Сергей Евгеньевич. И слишком уверился за это время в своей непогрешимости Вадим.

Кирилла не будут слушать. То есть, не оборвут беседу по-адаптски, с четким указанием адреса, по которому следует отправиться, а вежливо покидают и снисходительно поулыбаются. Но результат будет тем же. Наставники снова заведут старую пластинку: мы занимаемся вакциной уже пятнадцать лет.

Тот Сергей Евгеньевич, каким он был до ухода Кирилла из Бункера, возможно, прислушался бы и Вадима заставил прислушаться. А лежащий на кровати усталый, чуть живой старик этого сделать попросту не сможет. Слишком мало у него осталось сил, и слишком неблагодарное занятие – спорить с Вадимом. Если продолжать сейчас настаивать на своей правоте, Сергей Евгеньевич расстроится еще больше. И неизвестно, как это самое «еще больше» старику аукнется...

Нет. Так нельзя. В конце концов, если он прав, рано или поздно правота станет очевидной. Очевидной настолько, что возразить уже никто не сможет! А если нет, беспокоить Сергея Евгеньевича тем более незачем. И Кирилл промолчал.

***

С друзьями детства отношения тоже не складывались.

Не успел Кирилл вернуться в комнату, которую с младенчества делил с Олегом, и расположиться за столом, как друг решил над ним «пошутить». Раньше такое частенько практиковал – подбегал к занятому чем-нибудь увлекательным Кириллу, откатывал от стола любимое кресло на колесиках и принимался крутить, с отвратительным хохотом слушая, как истязаемый пискляво просит «отстать». Соскочить с кресла и справиться с толстяком в прежней жизни Кириллу не удавалось, Олег был намного тяжелее и, казалось, гораздо сильнее.

В этот раз Олег попытался проделать прежний фокус – Кирилл почувствовал, как кресло откатывается от стола. Стало смешно.

Он спрыгнул с сиденья. Посмотрел в удивленные глаза Олега и, решив закрепить воспитательный эффект, аккуратно, чтобы не сильно ударился, уронил приятеля подсечкой на пол.

Глаза у Олега расширились еще больше. Зашедшая в комнату вместе с ним Даша испуганно взвизгнула:

– Что ты делаешь?! Не смей! Я сейчас Любовь Леонидовну позову!

Кирилл с трудом удержался от смеха – в прежней жизни Даша пищала ровно то же самое, только обращалась к Олегу. Ну и такой напуганной, пожалуй, не выглядела.

– Всё, – пообещал он, – больше не буду. Вставай, что ли? – протянул руку распластавшемуся на полу Олегу.

– Ты... меня ударил?! – Олег не пытался встать. Смотрел на Кирилла выпученными от изумления глазами. – Эти... твои адапты... Научили тебя бить людей?

Кирилл вдруг понял, что должен был испытывать Рэд, отвечая в начале похода на его собственные несуразные вопросы.

– Научили. Только я тебя не бил.

Рассказывая Кириллу – кажется, что бесконечно давно – об основах рукопашного боя, Олеся сразу посоветовала забыть все, что видел на экране. В кино, объяснила она, бои постановочные. Главная их задача – зрелищность, чтобы наблюдателям было интересно следить за дракой. В реальном бою все происходит гораздо быстрее. В реальном бою, как ни странно это звучит, не нужно драться. А нужно убивать – если, конечно, не планируешь захватить соперника живым. И бить так, чтобы после твоего удара противник не поднялся. Потому что самого тебя тоже шадить не будут.

***

... «Вот, смотри – черта. – Олеся чиркнула по песку каблуком. – Пока ты ее не перешагнул, ты человек. А перешагнёшь – станешь зверем. Там, за чертой, словами не говорят! Там только страх и злость. Там тебя никто не защитит! Никто не поймёт и даже слушать не будет. Здесь ты еще можешь говорить, а там сможешь только убегать или драться... Давай».

«Что?» – опешил Кирилл.

«Перешагивай! – Олеся не шутила. Смотрела сосредоточенно, без тени улыбки. – Это рассказать нельзя, надо почувствовать. – Она шагнула через черту. Замерла. – Смотри на меня».

Кирилл смотрел во все глаза. На то, как подогнулись в коленях Олесиной ноги.

«Видишь? Теперь я себя легко защищу, от головы до колен. А пока стояла прямо, как человек, так низко не дотягивалась. Руки. – Олеся согнула их в локтях. – Прямые – сломают, а вот так – хрен получится. Голова. – Наклонила шею. – Я лоб подставляю, видишь? Самое твердое место. Кто ударит, себе же костяшки переломает. А горло, самое уязвимое место, подбородком прикрыто... Что стоишь? Шагай!»

Кирилл шагнул через черту.

Ты – не человек.

Ты – зверь.

Ноги. Руки. Наклонить голову...

Он старался лишь копировать то, что показывала Олеся, когда вдруг почувствовал, что тело всё знает само. Без разума.

Кисти нужно стиснуть в кулаки, надежнее спрятать пальцы – так их не сломают. Зубы – сжать, тогда челюсть не свернут. Руки сами выдвинулись вперед, прикрывая грудь и живот. Теперь его так просто не обойдешь – чтобы нанести удар, нужно сначала обмануть, отвести внимание...

Тело будто бы давным-давно это знало. И сейчас просто вспомнило, как нужно действовать в минуту опасности.

«Молодец, – услышал Кирилл. – Всё. Шагай назад».

Он не сразу вспомнил, куда это – назад. Вспомнив, шагнул за черту.

«Всё, – повторила Олеся. – Здесь ты – опять человек. Отдыхай».

«Что это было?!»

«А ты не понял?..»

До Владимира уроки Олеси оставались для Кирилла теорией. Ему еще не приходилось биться врукопашную, сражения с Дикими ограничивались перестрелками. И возле Владимира, кстати, поначалу тоже все шло неплохо.

Отряд бесшумно пробирался по лесу, обходя засаду стороной и стараясь издавать как можно меньше звуков. Они прошли уже едва ли не половину пути, и Кирилл начал верить в то, что миновать Толяновых бойцов удастся. Но тут вдруг из-под куста выпорхнули две крупные, потревоженные шагами птицы – то ли куропатки, то ли рябчики, Кирилл так и не научился различать. Лошадь, которую вел в поводу Гарри – птицы вспорхнули прямо перед ней, – взбрыкнула и заржала. До того громко, что стало ясно: план номер один провалился.

– Валим! – скомандовал Рэд. – План два!

«План два» означал: таиться дальше бессмысленно. Главное теперь – не тишина, а скорость.

Едва услышав команду, Кирилл, как и остальные, бросился бежать. Они очень старались двигаться быстро. Но вокруг был мокрый лес, под ногами – палая листва и скользкие ветки. Бежать приходилось с оглядкой. А у тех, кто кинулся наперерез с дороги, очевидно, было укавание взять бункерного живым. Потому что человек, метнувшийся к Кириллу, не стрелял.

Кириллу мешал рюкзак на спине, но, тем не менее, сбить противника с ног он сумел. Сумел, согласно Олесиной логике, плохо – враг, извернувшись, поднялся. Выхватил нож. Кирилл действовал машинально, как на тренировке, такое они с Олесей отрабатывали не раз – выбил нож ногой, а кулаком ударил врага в челюсть. И на сей раз ударил правильно, больше парень не встал. Но тут набросились сзади – хорошо, что, падая, Кирилл успел выхватить пистолет. Нового противника застрелил, почти в упор. Вскочив, бросился бежать на помощь Олесе, та отстреливалась сразу от двух бойцов.

В одного Кирилл выстрелил на бегу. Парень упал, но, похоже, был ранен, а второй нападающий, едва обернувшись на нового врага, получил пулю из снайперки.

Олеся побежала, увлекая за собой лошадь, Кирилл старался не отставать. Скоро их догнала Лара. Олеся передала ей поводья и метнулась к ближайшему дереву, поудобнее прилаживая винтовку.

Попрощаться с Олесей Кирилл не успел. Джека и Гарри он тоже больше не увидел – только слышал вдали уверенные выстрелы и перепрыгнул на бегу через тело, пробитое знакомой стрелой.

***

Рассказать эту историю, как и большинство других, Олегу с Дашей Кирилл не сумел. Даже пытаться не стал. Слишком многое – для того, чтобы понять – нужно было испытать на собственной шкуре.

Ни Олег, ни Даша не видели связанного Рэда на полу в туалете. Их не дергали за вывернутые руки подручные Толяна. Они не прятались в темноте разрушенного коттеджа, ожидая нападения, не отстреливались от озверевшей, догоняющей дрезину толпы. В них не швыряли гранаты и смертоносные звездочки, не приставляли к виску пистолет. Им не приходилось голодать, кричать от боли, произносить ритуальные слова над убитыми друзьями, брести по раскисшей от дождей дороге...

– Ты очень изменился, – с укором сказала Кириллу Даша. – Вставай, Олежка.

За ее руку Олег взялся. С натужным пытением принялся подниматься. Кирилл, пожав плечами – не хочешь как хочешь, была бы честь предложена, – отошел и вернулся за стол.

Надо сказать, что шутки Олега на этом прекратились. И Кирилл был бы доволен преподанным уроком, если бы не поселившийся с тех пор в глазах Олега и Даши затаенный страх.

Поначалу Кирилла это страшно огорчало. Потом, поняв, что поделать ничего не может, он смирился. Подумывал, не перебраться ли от раздражающего бездельем Олега в другую комнату, но в итоге махнул рукой. Пыхтящий за планшетом сосед ему не так уж и мешал. А объяснять, зачем вдруг понадобилось переселение, пришлось бы долго.

Кирилл на многое махнул рукой. Разговаривая, помимо Олега и Даши, с Вадимом, Сергеем Евгеньевичем, Любовью Леонидовной, он не раз пытался объяснить, какие замечательные

люди – его новые друзья. Как он сблизился с ними и как гордится этим. Но натыкался лишь на недоуменные взгляды.

«Кирюша, мальчик мой... Я понимаю, вы многое пережили вместе. Но ведь они – адапты!» И этим словом все было сказано. Когда Кирилл понял, что никого в Бункере не интересует судьба Джека, Олеси и Гарри, оставшихся прикрывать бегство, стало очень горько. Объяснить людям, защищенным от любой мыслимой опасности двухметровым бетонным потолком и пятьюдесятью метрами земной поверхности, каково это – остаться втроем против двух десятков бойцов, Кирилл не мог. И что чувствуешь, понимая, что сделано это было ради тебя, ради того, чтобы ты уцелел и доставил по назначению реактивы, тоже не мог.

Он пытался утешиться тем, что вспоминал расстановку сил – ту, в которой остались Джек, Олеся и Гарри. И уверял себя, что шансы отбиться у друзей были. Вооружение у Толяновых головорезов паршивое, основные силы, видимо, на главной дороге сосредоточились. Автоматных очередей Кирилл не слышал. А противостоять тесакам, ножам и пистолетам адаптам не привыкать. Выберутся ребята! Должны выбраться... Тем не менее, кошки на сердце скребли. В прошлую субботу посланников Германа, привозивших в Бункер продукты, Кирилл дожидался, едва ли не считая часы. А, едва успев попрощаться с Шелдоном, снова начал ждать.

Глава 5

Бункер. 22 дня после возвращения. Кирилл

Кирилл разминался на стадионе. Спрыгнул с перекладины, мимоходом подумав, что он, должно быть, первый, кто к ней прикоснулся с тех пор, как адапты закончили посещать «школу». Сев на землю, принялся растягиваться, ругая себя – сколько времени зря потерял! Предупреждала ведь Олеся: после ранения, даже если на ноги еще не встал, начинай разминаться. Особенно если долго пролежал без движения. Чем больше времени проводишь, не тренируясь, тем хуже мышцы застывают, разогревать потом умучаешься... Вот он теперь и мучается.

Кирилл потянулся руками к мыскам. Ч-черт, как больно-то!.. Ладно, потерпим. Вчера хуже было. Закончив с растяжкой, поднялся и принялся наносить удары воображаемому противнику. Руками, ногами. Справа, слева... Подкравшегося сзади человека заметил в последний момент. От подсечки ушел, но неловко – споткнулся. Бросился на подкравшегося, пока еще плохо понимая, кто это.

– Ох! – Ударить Кирилл успел, но удар умело блокировали. – Здравствуйте, Герман.

– Бей, – не отвечая на приветствие, подбодрил Герман. Он стоял в боевой стойке, держа руки со сжатыми кулаками перед собой. – Начал – так бей, чего застыл? Или ты не оклемался еще?

– Оклемался... – Выбрасывать вперед ногу Кирилл не рискнул.

Попробовал ударить слева, Герман не повелся. И вообще, понял Кирилл, мог бы расправиться с ним очень быстро, но пока не спешил. Кажется, хотел проверить, чему успела обучить подопечного Олеся.

... «А кто Германа-то драться учил? – спросил однажды у Олеся Кирилл. – Он ведь до того, как все случилось, в хоккей играл, а не боевыми искусствами занимался?»

«Германа – дядя Коля», – коротко ответила Олеся. И замолчала.

Кирилл, покопавшись в памяти, понял, что никогда раньше этого имени не слышал.

«Что за дядя Коля?»

«Прибился к нам, когда все случилось. Давно, я его почти и не помню».

По любопытному взгляду Кирилла Олеся, должно быть, поняла, что дальнейших расспросов не избежать. Неохотно добавила:

«Он у нас в Доме жил. Германа драться учил и пацанов, кто постарше. А потом вдруг пропал, мне тогда лет семь было. Герман с Инной сказали, что во Владимир подался, но только это неправда. Мы просто мелкие были, не понимали... На самом деле Герман его убил. Анжелка рассказывала, они на источник вдвоем с дядей Колей пошли, а вернулся Герман один. Побитый весь, на ногах еле держался. И больше дядю Колю никто не видел».

Кирилл содрогнулся:

«За что?»

Олеся пожала плечами:

«Ну, значит, было за что. Попусту – Герман не тронул бы».

Через пять минут Кирилла уронили на спину.

– Готов, – прижимая коленом его грудь, подвел итог Герман.

– Готов, – согласился Кирилл.

Герман встал и помог подняться сопернику. Удержав его ладонь, сказал:

– Здорово, что ли?

Кирилл улыбнулся.

– Здравствуйте! Знаете, я про вас столько уже слышал, что кажется, всю жизнь знаком.

Герман не изменился, остался в точности таким, каким Кирилл запомнил его перед уходом из Бункера: невысокий, жесткий, пружинистый, будто из проволоки скрученный. Холодные голубые глаза, над бровью – глубокий шрам, волосы зачесаны назад. Кожа темная, но светлее, чем у адаптов. И волосы длиннее, чем у них, не белые, а странно пегие. Разве что морщин на лице у Германа прибавилось.

– А раз знаком, так нечего «выкать». – Герман достал сигареты.

В спарринге Кирилл отвлекся, во время боя ни о чем другом думать нельзя, а сейчас немедленно вырвалось:

– Герман, что с ребятами?! Джек, Олеся, Гарри? Вы нашли их?

– Нашли. Живы.

Кирилл просиял.

– Уф-ф! Вы... то есть, ты не представляешь, как я переживал! Кого ни спроси, никто ничего не знает. Я догадывался, что ты на выручку пошел, но пока с Шелдоном не познакомился, ничего не знал. Как они?

– Нормально, – сказал Герман.

И Кирилл с облегчением улыбнулся. Собственно, а что еще ожидал услышать? Понятно, у кого Рэд перенял свое суровое немногословие. Главное ведь сказано. Ребята живы. Живы!.. И вот этот, охвативший его сейчас восторг – наверное, и есть то, что принято называть неумовимым словом «счастье». Кирилл физически чувствовал, как отпускает его напряжение последних ночей. Германа он с удовольствием расцеловал бы, если бы не сомневался, что порыв правильно поймут.

– Але! – Герман потеребил Кирилла за рукав. – Ты чего застыл? Слышь меня?

– Слышу.

– Я спрашиваю, пойдешь со мной? К нашим?

Казавшаяся несбыточной мечта сбылась так просто и буднично, что Кирилл поначалу опешил.

Пойти с Германом «к нашим»?!.. Обрести возможность спокойно продолжать эксперимент?!.. Снова увидеть Рэда, Джека, Олеся... Лару. О которой все эти ночи не позволяет себе даже вспоминать, чтобы не расклеиться окончательно?

– К вам? – пробормотал Кирилл, – в Дом? А можно?

– Можно – Машку за ляжку, – сообщил Герман, – и козу на возу.

Ух, до чего же он на Рэда похож!.. И на Джека. И даже на Лару... То есть, ерунда, конечно, это ребята – на него.

– У Евгеньича спрашивай, что тебе можно, а чего нельзя. Мне-то – не вопрос, хоть сейчас заберу.

Кирилл покраснел от удовольствия.

– Пойдемте... Пойдем к Вадиму Александровичу? Я у него спрошу, надеюсь, что отпустит.

– А чё к нему? – нахмурился Герман. – Чё не к Евгеньичу?

– Сергей Евгеньевич... неважно себя чувствует.

– Ну, окей. К Ваде, так к Ваде.

«Может, оно и к лучшему, – идя за бункерным – пацан едва не приплясывал на ходу – хмуро думал Герман, – что к Ваде».

Вадя – придурок, напыщенный козел. А старика Евгеньича Герман любил. И то, что соби-
рался сделать, было, по отношению к нему, и к этому вот, прямо засветившемуся от счастья
мальчишке, полным скотством.

Владимир. Ранее. 10 дней после возвращения. Герман

Толян встретил Германа с бойцами на дороге.

– Здорово, командир! Давненько не видались. – Они и в самом деле лицом к лицу не
встречались уже несколько лет. – Постарел, смотрю...

– Так, небось, не баба, чтобы молодиться, – парировал Герман. Взъерошил рукой волосы.
Здороваться с диктатором не стал. – Плешью не сверкаю, и то ладно.

Толян скрипнул зубами и тон мгновенно сменил.

– У меня здесь пятьдесят стволов, – предупредил он, – и конные. И вторая бригада на
подхвате.

Герман хмуро оглядывал воинство. И без предупреждения о численном превосходстве
владимирцев знал. Ну, хоть палить Толян сразу не начал, уже хорошо.

– Что с моими?

– Живы-здоровы! Ждут не дождутся дорогого папочку.

– Вот он я. Приводи.

– Смешно, – оценил Толян. – Значится, так. Долго тереть не об чем. Меняю твоих, всех
трех, на одного бункерного с чемоданом. Я его уж сколько месяцев пасу, утомился. Приводи
сопьяка, тогда твоих отпущу.

– Какого бункерного? – прикинулся дураком Герман, – с каким чемоданом?

– Командир, мне некогда, – пожаловался Толян, – обед стынет. Я все сказал! Хочешь
своих забрать – тащи сюда бункерного. Не хочешь – всех на солнце спалю. По одному, на глазах
друг у друга. Девку – последней, а сперва отымею ее всем колхозом. Ты меня знаешь.

Герман предпочел бы не знать. Он напряженно думал.

Если правильно понял Лару, то никакого чудесного лекарства, с помощью которого у
Толяна смогут появиться дети, в природе пока не существовало. Однако, все, что было нужно
для его создания, ребята из Новосиба действительно привезли. Технологию в Бункере, если,
опять же, Герман правильно понял, по записям мальчишки разработают и без него самого.
Выбор – почти не знакомый полудохлый пацан, или Джек, Олеся и Гарри – перед Германом не
стоял. И в то, что парень, пусть даже при наличии реактивов, сумеет создать для Толяна что-
то путное, он не верил. Так и пусть Толян подавится.

Герман думал лишь о том, что, когда уезжал из Бункера, Кирилл, несмотря на заверения
Лары, что выживет, был плох и как бы уже не загнулся. Толян – не дурак, чтобы обменивать
троих живых ребят на единственный труп.

– Моих покажи, – от души надеясь, что Толян по его лицу ничего не сумел прочитать,
потребовал Герман.

– Не веришь, – сокрушенно покачал головой диктатор. – Старому корешу – не веришь...
А зря. Лысый! Приведи мутантов.

Все они шли своими ногами – и это, зная Толяновы методы ведения допроса, Герман уже
посчитал удачей. Руки связаны за спиной. Гарри без очков, близоруко щурит заплывшие глаза.
Одна рука примотана к телу, вторая висит на перевязи. Левая, стрелковая. Сломали, уроды,
дай бог, чтобы срослась нормально... Сперва ведь Катя как-то по-другому мальчишку назвала,
сейчас уже и не вспомнишь, как. А в Гарри он превратился, когда стало ясно, что плохо видит,
и пришлось разыскивать в завалах очки. Хоть и близорукий, а стрелок – от бога, только бы
руку не сильно повредили.

Видно, что обоих парней жестоко били, особенно досталось Джеку. Вместо смазливой физиономии – сплошной красно-синий блин. Достебался, поганец. Вот что за характер такой – и перед расстрелом не удержится, ржать будет! С самого младенчества всех подряд цепляет, как только говорить научился. Герман его по детству даже наказывать не мог, рука от смеха опускалась. Как вот его лупить, если смешит до слез?.. А Олеська вроде целая.

Герман действительно знал Толяна. И знал, что жестокий псих ни перед чем не остановится. Но и Толян крутой нрав командира адаптов знал. Стычек между ними давно не случалось, худо-бедно поддерживали мир, однако Толян хорошо помнил, что за своих девчонок Герман глотку перегрызет. Олесью не били и не насиловали, это командир сразу понял.

– Здравия желаю, – прошлепал губами-оладьями Джек. Привычная ухмылка на изуродованном побоями лице выглядела жутковато. – Докладаю: втроем одиннадцать бойцов положили. Мы б и с остальными управились, да с большака этот урод нарисовался, – Джек мотнул головой на Толяна. – А с ним отряд, с автоматами. Там уже без вариантов было... Как Сталкер с Ларкой? Добрались? Бункерный живой?

– Добрались, – обронил Герман, – и бункерный живой. – Сейчас главное было – не раскисать. Чтобы ребята не почувствовали. С возрастом он стал безобразно сентиментальным, по молодости таким не был. – Через месяц домой вас заберу, раньше никак... Еще раз хоть пальцем тронешь, – пригрозил Толяну, – хоть кого – хрен тебе, а не бункерный! Ясно?

– Без базара, – согласился Толян. – Этому вот только скажи, – он ткнул в Джека, – чтобы язык свой поганый в задницу засунул! Мои, знаешь, тоже не железные. Нервничают.

– Засунет. – Герман строго посмотрел на Джека.

– Засуну, – легко согласился тот. – А при чем тут бункерный?

– Ни при чем.

– А по-моему, причем, – пристально глядя на командира, проговорила вдруг Олесья. – Герман... Ты нас на бункерного менять собрался, что ли?

Глаза всех троих уставились на командира – недоуменно и недоверчиво.

– А вот это не ваше дело, – обрубил Герман. – Всё, не прощаюсь. Через месяц приду... Уводи, Толян.

– А ну, брысь! – отшатнулся от протянувшего руки Лысого Джек. – Олеська правильно сказала? Менять будешь?

– А если и так? – Взгляда Герман не отвел.

Он мог вести себя с ребятами по-разному, но старался им не врать. Сам всегда учил: если сделал какую дрянь, так имей смелость признаться. А уж пытаться обмануть Жеку – вовсе гиблое дело, до сих пор ни у кого не прокатывало.

– Если так, то хоть бы нас сперва спросил, – оглянувшись на друзей, заявил Джек. – Может, мы домой не хотим? Может, нам тут нравится? А чё – хозяин щедрый, прислуга ласковая... – Заплывшие кровоподтеками глаза со знакомой издевкой стрельнули поочередно в Толяна и Лысого. – Ни кнута, ни матюгов не жалеют.

– Ты кого, сука, прислугой назвал?! – немедленно оскорбился Лысый, и от удара Джека спас только повелительный окрик Толяна.

По решительным лицам ребят Герман с изумлением понял, что они и впрямь не хотят обмена. Уверены, что сумеют выкрутиться сами. Обмануть, убежать, прорваться с боем. Три пары светлых глаз убежденно – верь нам, командир, мы справимся! – смотрели на него.

А он смотрел на них – и видел себя. Семнадцатилетнего. Отважного. Ни черта, ни дьявола не боящегося... Он ведь не так далеко ушел от ребят возрастом. И хорошо помнил, каким сам когда-то был – до тех пор, пока не подломила гибель Кати.

Подростки не верят в смерть, даже если видели ее не раз. Даже если прощались с погибшими товарищами, такими же гордыми и бесстрашными. Твердая убежденность в том, что ты вечно будешь молодым и горячим, не умрешь и не состаришься никогда, в семнадцать лет

особенно сильна. Ребята полны уверенности, что смогут вырваться – в отличие от бункерного, если тот окажется на их месте. Какую участь приготовил им садюга-Толян, пока не знают.

И не узнают. По крайней мере, сейчас. А потом сами спасибо скажут.

– Уводи, – с нажимом повторил Герман.

– Если опять соскочить попытаетесь, – добавил Толян, – одного сожгу! Чтoб двум другим непoвaднo былo. Так и знайте.

Светлые адаптские глаза сверкали ненавистью. Лысый с подручными утаскивали ребят с дороги.

– Месяц – долго, – провожая процессию взглядом, объявил Толян. – Две недели.

Герман покачал головой.

– Бункерному твои бойцы бок прострелили. Пока еще оклемается... Да плюс добраться туда-сюда... Месяц. – На ребят он старательно не смотрел.

– Окей, – согласился Толян. Сам понимал, что Герман будет спешить, как только может. – Месяц. На второй – зажарю. Так и знай.

Недалеко от Ногинска. 23 дня после возвращения. Кирилл

Дождь на улице поливал такой, что с высоты лошадиного роста едва видна была дорога. Лошади шли натужной рысью, копыта вязли в грязи.

– Это везде сейчас так? – перекрикивая хлещущий по капюшону дождь, проорал Кирилл.

Настенный монитор в бункерной столовой отражал дату, время и погодные условия снаружи. Благодаря чему подземные жители знали, что сегодня девятнадцатое января, температура на поверхности плюс тринадцать (по ощущениям – пять), проливной дождь и шквалистый ветер.

– Здесь еще ничего, – донесся сквозь шум голос Германа. – Здесь хоть дорога не совсем убита, верхом проехать можно. А за Пекшей – звездеч, как развезло, хрен продерешься. С Крещением Господним тебя.

– Что? – не понял, сквозь ветер, Кирилл.

– С праздничком, говорю! С Крещением Господним. До того, как все случилось, с этого дня крещенские морозы начинались, верующие в прорубь ныряли.

– Зачем?

Герман знакомо дернул плечом – адапты скопировали не только тон и речевые обороты командира. Только вот прибор ночного видения ни адаптам, ни Кириллу теперь был не нужен – а из капюшона Германа выглядывал, напоминая странной формы козырек.

– Не знаю. Вроде, положено.

– Прорубь – это ведь отверстие во льду замерзшего водоема? – покопавшись в памяти, уточнил Кирилл. Перед глазами возникла ледяная переправа на подходе к гарнизону: как это было страшно, лезть в темноте в холодную воду, и как тяжело физически. – Неужели верующие люди...

– Цыц! – оборвал Герман.

Кирилл послушно замолчал и замер. И услышал далекий стук копыт. Рука сама дернулась, расстегивая кобуру. Герман, увидев Кирилла собранным в дорогу по всем адаптским правилам, пожал плечами – «тут ехать-то три часа», но возражать против пистолета и ножа не стал.

– Кто это может быть?

– Без понятия. – Герман тронул ПНВ, поправляя. – Батарея, зараза, садится... – Оружие он выхватил раньше Кирилла.

– Здесь спрячемся? – Кирилл заставил коня перешагнуть ограждение у обочины. – Или дальше уйдем, в лес?

– Здесь.

По голосу Германа сложно было разобрать, удивился он боевой готовности спутника, или озадачился. Но, как бы там ни было, присоединился к Кириллу. Они замерли за ограждением.

– Может, пронесет, следов не увидит, – прошептал Герман. – А может, и вовсе не по нашу душу.

Кирилл с надеждой кивнул. Ему очень хотелось верить, что это кто-то из адаптов не утерпел и скачет встречать их с Германом. В направлениях не ориентировался, диагноз «топографический кретинизм» Олеся в свое время поставила ученику безоговорочно, и искренне считал, что Герман везет его к Дому. Но скоро, по стуку копыт, понял, что всадник следует им вдогонку, а не навстречу.

Наездник – расплывчатая фигура в комбинезоне – пролетел было мимо, но поодаль остановился. Увидел, вероятно, что две цепочки следов закончились. Повернул обратно.

Кирилл напряженно застыл. И едва не подпрыгнул, услышав знакомое чириканье.

– Свои, – облегченно выдохнул он.

– Вижу. – Жеребец Германа перешагнул отбойник. – Чего тебе?

– Сталкер! – Теперь и Кирилл узнал седока. – Привет! Ты как здесь...

Рэд на приветствие не ответил. Он Кирилла будто бы и не заметил. Осадив коня возле командирского, заглянул Герману в закрытое капюшоном лицо. Начал без предисловий, тяжело дыша после скачки:

– На обмен везешь?

Глава 6

Недалеко от Ногинска. 23 дня после возвращения. Рэд

Когда Герман с бойцами, сопровождавшими его во Владимир, вернулись домой – пустые, без Джека, Олеси и Гарри, – командир объяснил, что Толян потребовал выкуп. Какой – не уточнил, объявил, что займется этим сам, а собравшимся адаптам велел расходиться, время позднее.

Приставать к усталому Герману с выпрашиванием подробностей Рэд в то утро не рискнул. А на завтра специально встал пораньше – хотел и расспросить Германа обо всем, и как-нибудь аккуратно вернуть, что сам он, когда подлечится, собирается в Вязники.

Будить командира не стал. Сел на перила террасы, поджидая, пока Герман проснется и выйдет – о его привычке подниматься ни свет ни заря и в любую погоду обливаться у колодца ледяной водой только ленивый не знал.

Но вместо Германа из Дома вышла Инна, непривычно хмурая. Увидев Рэда, нахмурилась еще больше:

– Чего тебе?

– С командиром поговорить хотел. Встал он?

Инна отвела глаза.

– Встал. Уехал уже.

– Куда?

– На кудыкину гору! Мне не доложил, я спала. Проснулась – нету.

– Ясно. – Рэд, подумав, соскользнул с перил.

Ясности, куда подевался Герман, не было ни малейшей, но и продолжать расспрашивать Инну тоже определенно не стоило.

– Чего хотел-то? – прилетело ему в спину.

Рэд мотнул головой:

– Да ерунда. Потом зайду.

Подумав, он двинулся на конюшню. Зачем – даже себе не смог бы объяснить.

Не нравилось ему происходящее, и все тут! И отсутствие Германа, и раздраженно взвинченная, вместо приветливо-улыбчивой – а улыбалась она всегда, даже ранним утром, – Инна...

Стойло Бурана, вороного любимца Германа, ожидаемо пустовало.

– Уехал, – подтвердил чистящий стойло конюх.

– Давно?

– Без понятия. Я только пришел.

Рэд задумчиво покивал. И тут заметил, что пустует еще одно стойло, смирной скромняшки Любавы.

– А Любава где?

– Дак, видать, тоже Герман забрал... А ты-то чего в такую рань подорвался?

Отвечать Рэд не стал. Пронзило вдруг нехорошей догадкой, и стало не до болтовни. Он быстро двинулся к выходу из конюшни.

Во дворе присел на корточки над оставшимися в грязи следами подков.

Так и есть – почти смыты дождем, если не приглядываться, то и не увидишь. Не один час их заливает, и даже не пять – дождь ведь то начинался, то стихал... Догадка стремительно перерастала в уверенность, картина складывалась до отвращения простая и логичная.

Герман ведь бункерного совсем не знает! Для него-то он – как был левый пацан, так и остался... Еще вчера ускакал, получается. Любаву взял, самую смирную – кому, если не бункерному?.. А Инне, ясное дело, молчать велел, вот почему она такая хмурая...

Рэд кинулся к Ларе. Той в комнате не оказалось, разбуженная соседка проворчала, что Лара вторую ночь торчит в Купавне, там кто-то серьезно заболел. Догонять Германа Рэд отправился один.

Недалеко от Ногинска. 23 дня после возвращения. Кирилл

... – На обмен везешь?

– Ну. – Голос Германа звучал неприязненно.

– А нам почему не сказал?

– Не успел. Как вернулся, сказал бы.

– Он знает? – Рэд кивнул на Кирилла.

– Спят, что ли? – Герман стащил с лица и убрал за пазуху ПНВ. С неудовольствием оглядел Рэдова скакуна. – Ты чего, вообще, явился? Муромца загнал...

– Бункерный, – оборачиваясь к Кириллу, будто и не услышав Германа, позвал Рэд. – Он тебя к Толяну везет! Там наши остались, в плену.

Кирилл опешил:

– То есть?

– Та-ак, – протянул Герман. И вдруг резко, сильно ударил Рэда, целясь в висок.

Рэд отклонился, перехватил летящую кисть и попробовал вывернуть назад. Не справился – Кирилл, обалдело уставившийся на сцепившуюся пару, понял, что Герман превосходит Рэда так же уверенно, как Рэд – его самого.

Рука адапта, дрогнув, смялась. Другой рукой Герман схватил Рэда за горло. Со злостью прошипел:

– Тебя, вроде, по ноге рубанули, а не по башке! Ты что творишь?! Хочешь, чтобы наших сожгли?!

– Хочу, чтобы все по-честному было, – прохрипел Рэд. Вцепился в седло, стараясь удержаться. – Ты нас сам всю жизнь учил, что своей башкой думать надо! А теперь слушать не хочешь.

Какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза. Потом Герман, выругавшись, отпустил Рэда.

– Кретин! Мало я тебя порол. Видел бы, во что там Жеку с Гариком превратили!

Рэд поморщился, растирая шею.

– А то не видал ни разу. – Он откашлялся, сплюнул. – А то сам – фифа нецарапаная. Или бункерный – тот же чмошник, что и был... – и внезапно рывкнул: – Ложись!

Тело Кирилла среагировало на команду, поданную знакомым голосом, раньше, чем мозг. Он единым рывком выдернул ноги из стремян, соскользнул с лошади и распластался на земле.

– В укрытие! – сипело над головой. – Оружие к бою!

Кирилл, повинаясь, сместился ползком к обочине дороги. Залег за проржавевшим, по самое дно увязшим в грязи автомобилем. Выставил перед собой пистолет, ожидая новых команд.

– Могу приказать «на поражение», – донесся до него так же внезапно стихший, как до этого гаркнувший, голос Рэда. – Семь из десяти, по недвижке – попадет.

Понимание того, что тревога учебная, пришло не сразу.

– ..., Сталкер! – высказался Кирилл. Поднялся из грязи, стряхивая с комбинезона ошметки глины. – Выбрал, тоже, погоду.

Рэд его, как водится, не услышал.

– Герман, – попросил он. – Вот представь – не его Толян предъявил бы, а меня или еще кого из наших. Вот что бы ты тогда делал?

– С тобой разобрались бы как-нибудь, – буркнул Герман.

Рэд удовлетворенно кивнул:

– Окей. Вот и давай разбираться.

«Разбирательство» состоялось тут же, среди хлещущего ливня, сопровождаемое недовольным ржанием лошадей – животные пытались объяснить, что погода им не нравится.

Когда до Кирилла дошло, что для того, чтобы Толян оставил в живых и отпустил из плена Джека, Олесю и Гарри, сдаться на милость диктатора придется ему самому, сердце ушло в пятки.

Даже понимание того, что в очередной раз оказался наивным дураком, и если б не подоспевший Рэд, Герман просто, двинув его по башке и накачав наркотой, отвез бы во Владимир, где ничтоже сумняшеся сдал с рук на руки Толяну, в тот момент не возмутило. Все это Кирилл обдумывал позже, уже находясь в плену, то беснуясь, то ища Герману оправданий. А тогда, после простых слов Германа: «наших сожгут, не выбраться им по-другому», – немедленно сам собой включился укрепившийся за время скитаний в расчетливости мозг и быстро прикинул возможные варианты.

Владимирцев гораздо больше, посему прямая атака отпадает. Сбежать Джек, Олеся и Гарри, по словам Германа, не смогут, их слишком хорошо охраняют. Так же, как не получится устроить внутреннюю диверсию. А если действительно обменять на пленных его самого?..

Охранять будут, конечно. Но ведь не в камере держать, как их сейчас держат. Не для украшения же интерьера Толяну понадобился «умник»...

Страшно? Да. До коликов, до чертиков страшно. За прошедшие полгода не раз и не два Кирилла подкидывало посреди сна в холодном поту от почудившегося мерзкого голоса.

«Послушаешь, как он тут выть будет. Поглядишь, как корчится в страшных муках...»

Упомянутые в тот день Толяном «страшные муки» Кириллу довелось испытать на себе. Он хорошо помнил, какая это боль. И отчетливо понимал, что в этот визит церемониться с «умником» Толян не станет.

Решать надо было быстро. Пока сам не испугался своего решения.

– Поехали, может? Хватит уже под дождем торчать, – трогая Германа за рукав, позвал Кирилл.

Дорогу до «приюта» – не приметного строения в стороне от трассы, адапты обустроивали такие на случай «рассвет подкрался незаметно», – Кирилл не запомнил. Он думал.

Побегу находящихся в плену Джека, Олеси и Гарри мешает прежде всего отсутствие контактов со внешним миром. Герман попросту не знает, чем можно помочь ребятам, что им требуется для побега. А планы на Кирилла у Толяна, судя по всему, серьезные. Убивать курицу, которая, если он правильно понимает действия диктатора, должна принести золотые яйца, Толян не станет – по крайней мере, до тех пор, пока не извлечет из этой курицы максимум выгоды. А значит, время на то, чтобы осмотреться, будет. В плену Кирилл окажется в гораздо более выгодном положении, чем ребята сейчас. Значит, и размышлять «быть или не быть» – малодушие и глупость, и хватит об этом думать! Думать нужно о том, как наладить связь.

Кирилл принял решение, и сразу стало легче. Мозг отбросил лишнее, заработал в правильном направлении. Кирилл вспомнил про симпатические чернила – давнюю улыбку Сергея Евгеньевича из серии «химики шутят». Вот уж кто и представить не смог бы, где и при каких обстоятельствах пригодится невинная «шутка»...

Так, всё! – рассердился Кирилл. Хватит себя накручивать! Думай.

Со связью Толян-адапты он, допустим, определился. А что с обратной связью? Если ему что-то понадобится, каким образом это что-то можно будет передать?..

Планы побега Кирилл, Герман и Рэд, оказавшись в приюте, обсуждали до самого рассвета. Когда за окном начали вопить на разные голоса птицы, радуясь закончившемуся, наконец, дождю, Герман велел идти спать.

***

– А почему Герман тебя ударил? – Кирилл с Рэдом расположились на одной широкой кровати и шептались вполголоса. Герман устроился на топчане в соседней комнатухе. – Я же видел, он всерьез бил!

Рэд хмыкнул:

– Ясное дело, всерьез. Не всерьез, это он нам в детстве подзатыльники отвешивал... Вырубить хотел, чтобы не мешался, вот и бил. Сперва мне бы саданул, потом тебе. Меня скинул бы – ну, хоть здесь, – да запер понадежнее, чтобы подольше не выбрался. Коня бы увел... А тебя наркотой бы ширял, да дальше тащил, до самого Владимира.

Кирилл передернул плечами.

– Хорошо, что ты увернуться сумел.

– Тренировался долго. – Рэд покосился в сторону соседней комнаты. – Ты думаешь, кто меня уворачиваться учил? И вообще, драться? Герман во всей Цепи – лучший. Мы с тобой его даже вдвоем хрен бы одолели, если бы он меня слушать не захотел.

– Знаешь... – Кирилл помолчал. И горько произнес: – Герман-то тебя в итоге выслушал! Хоть сначала оглушить пытался. А у нас... Драться со мной никто не станет, конечно. Но и слушать никто не хочет. Говорю-говорю, а они только улыбаются, как младенцу!

Рэд скептически скривился, открыл было рот, но тут из соседней комнаты донеслось властное:

– А ну, цыц! Ночью не натрепались? Через пять часов – подъем.

Владимир. 31 день после возвращения. Кирилл

... – От такой расклад, пацанчик, – шуря на Кирилла водянистые глаза и ухмыляясь, повторил Толян. – Все я тебе, как на духу, выложил. Сдал тебя ваш Герман ненаглядный, как стеклотару в приемный пункт. Сдал – не почесался, собственными своими руками. Мои предьявы ты услышал. А дальше уж сам кумекай, жить тебе здесь в полном шоколаде, или помереть в страшных муках.

Кирилл очнулся час назад – перед тем, как сдать Толяну, его для правдоподобности оглушили. Последним, что помнил, были слова Германа: «Прости, братан, ничего личного» – и обрушившийся вслед за этим на затылок тяжелый удар.

Герман ударил гуманно, симптомов сотрясения мозга Кирилл у себя не определил. Ему разрешили принять болеутоляющее из аптечки – по совету Германа, захватил с собой и ее, и реактивы, необходимые для продолжения начатой в Бункере работы. Когда обсуждал это с Германом, еще не знал, где в итоге окажется, и радовался, как идиот.

Долго уговаривал Вадима Александровича, тот далеко не сразу согласился отпустить «ценного сотрудника» к адаптам. Слушая доводы Кирилла о необходимости исследования – нужно ведь выяснить, как повлиял нижегородский порошок на организмы Рэда и Лары! – скептически кривился. И вряд ли в итоге внял аргументам. Скорее, по горячности и настойчивости Кирилла, подкрепленным угрюмым молчанием Германа, Вадим догадался, что в крайнем случае рейд к адаптам организуют безо всякого разрешения, и согласился, чтобы не терять лицо. Оговорил, что Кирилл еженедельно будет переправлять в Бункер с доставщиками продуктов отчет о «проделанной работе». А через месяц – не больше! – вернется.

Кирилл был счастлив. Месяц, это ведь так долго! Целый месяц он будет с друзьями... А оказался тут. Сидит, примотанный скотчем к стулу, – до боли знакомая ситуация – напротив мерзкого Толяна.

Только сейчас здесь нет Рэда. И адаптов нет. Никто не выбьет дверь, не швырнет Толяна на пол, не разрежет скотч на руках. Он здесь один, адапты далеко. И рассчитывать может только на себя.

Убедить Толяна в том, что добытые в Новосибирске реактивы – отнюдь не путь к вечной жизни, Кириллу не удалось. Если изначально диктатор рассчитывал захватить Кирилла и «ящик», не особо понимая, для чего этот самый ящик понадобился в Бункере, то теперь, увидев пленника и сопоставив его облик с тем, что наблюдал полгода назад, отчего-то уверился, что в Новосибирске был открыт эликсир бессмертия. И, сколько Кирилл ни пытался Толяна разубедить, эффекта добивался ровно противоположного.

Пленника подвергли медицинскому осмотру. Меланхоличный мужчина по кличке Интерн, личный медик диктатора, показался Кириллу человеком, давно разучившимся удивляться. Толяну он равнодушно доложил:

– Два пули словил, перестарались бойцы. И обгорел, как бобик. Но, сука, живой. Хотя не должен.

Из чего Толян, очевидно, сделал собственные выводы. Категорично объявил Кириллу:

– Звездить в Бункере будешь! А у меня тут звездунов своих хватает. Мне лекарство нужно.

После этого Кирилла долго били, все попытки споров пресекая фразой: «Не гони, падла». И он понял, что остановить издевательство может единственным способом – пообещать, что «лекарство» изготовит.

– Мне нужно отправлять в Бункер отчеты, – прошепелявил разбитыми губами Кирилл, – хотя бы раз в неделю, мы так договорились. Вадим Александрович думает, что я у Германа.

– Не вопрос, – кивнул Толян, – черкай, сколько влезет. Только имей в виду – перед тем, как в Бункер отослать, я сам каждую букву прочитаю.

– А ты читать умеешь? – не сдержался Кирилл. И тут же получил такой удар по ребрам, что согнулся бы пополам, если бы не был намертво примотан к стулу.

– Не хами, малолетка! – Новый удар, с другой стороны. – Понял, кто тут папа? – До чего же мерзкий голос. – Ответа не слышу!

– Понял...

– То-то.

Если у Кирилла и были сомнения, что делать, они развеялись. Ну, держись, подонок! Будет тебе «лекарство».

Толян, однако, оказался хитрее, чем он думал. Первый план Кирилла – впрыснуть гаду мышьяк и попробовать отобрать у одного из охранников оружие – с треском провалился. Вместе с диктатором в выделенное Кириллу под лабораторию помещение явились двое мужчин, на вид – ровесники Толяна, со схожим телосложением.

– Сперва на придурках пробуй, – приказал Толян, – а я погляжу. Мне спешить некуда.

Пришлось вместо заготовленной отравы набрать в шприц физраствор.

***

Интересно, как долго он сможет морочить Толяну голову, притворяясь, что синтезирует мифическое «лекарство»? – оставшись в лаборатории в одиночестве, в который раз бесполезно процеживая сквозь фильтр подкрашенную марганцовкой воду, уныло размышлял Кирилл.

Две недели?.. Три?.. А главное, что изменится за это время? Путей, ведущих на свободу, он как не видел пять ночей назад, впервые оказавшись здесь, так и не видит. Охраняют его добротнo, мышшь не проскочит, работать с реактивами приходится под неусыпным присмотром одного из охранников. Туповатые парни, конечно, мало понимают, чем занят пленник, но у них и задачи такой не стоит – главное, чтобы работал, а не хрен пинал. Даже в туалет из лаборатории выводят под конвоем. Кормят прямо на рабочем месте... Хорошо, хоть спит не там.

Толян – правитель многоопытный, хорошо понимающий значение и кнута, и пряника, расстарался. Кириллу, как обещал, обеспечил «полный шоколад»: поселил в отдельной квартире – спальня, кухня, душ и даже горячая вода (ну, относительно горячая), час утром и час вечером. И все бы ничего, но окна в квартире оказались забранными, помимо ставен, решетками. Железную дверь охранники запирали снаружи, сами жили в соседней квартире. Кроме того, внезапно выяснилось, что Кирилл будет здесь не единственным обитателем.

В первую ночь Толян, самолично демонстрировавший Кириллу «хоромы», хлебосольно улыбаясь, распахнул дверь в спальню. На кровати сидела ярко накрашенная девушка в длинноволосом парике. Увидев вошедших, она с готовностью вскочила.

– Видал, какая краля! – подтолкнул Кирилла Толян. – Стелка, а ну подойди!

Девушка, профессионально покачивая бедрами, приблизилась.

– Мой тебе подарок! – гордо отрекомендовал Толян. – Сосет – закачаешься!

– Я... – Кирилл растерялся, но быстро нашелся: – Я таблетки специальные принимаю. Мне женщины не нужны.

Диктатор скривился:

– Слышал... Извращенец бункерный. Ну, вольному воля. А только баба в доме пригодится. И пожрать сгоношит, и барахло постирает. Верно говорю, Стелка?

Девушка подобострастно закивала. По жесткому взгляду Толяна Кирилл понял, что от «подарка» не отвертеться.

Владимир. 43 дня после возвращения. Кирилл

Вернувшись из лаборатории «домой» и поужинав, Кирилл сидел на кухне. Размешивал сахар в чашке с приготовленным Стеллой чаем, тоскливо поглядывал на сожительницу и думал о том, что бункерный антилав, от которого в свое время отказался, в нынешней ситуации здорово облегчил бы жизнь.

Кровать в квартире была, хоть и широкая, но одна. Ну и шпионила Стелла, разумеется, за каждым его шагом.

– Сладенький, ты чего грустишь? – Девушка встала у Кирилла за спиной, положила руки на плечи. – Давай, массажик сделаю?

– Не давай. – Кирилл попытался вывернуться. – Отстань, я думаю!

Грубить Стелле не хотелось, он догадывался, что красотка находится тут не по доброй воле, но иначе от нее было вовсе не отвяжаться.

– Думщик ты мой сладенький... – Стеллины ладошки прилипли к спине, будто вязкая смола – не страхнешь. Переместились на затылок и шею. – Думщик ненаглядный... – Девушка прижалась к Кириллу грудью.

Блин. Он немедленно вспомнил, какая роскошная у Стеллы грудь. Волнующий запах стал отчетливее. Кажется, буддисты это умели – силой воли подавлять любые желания... Или йоги? Но не простые парни вроде него, сто лет девчонку не обнимавшие.

За знаменитый бункерный антилав Кирилл выдавал обычную аскорбинку. Но Стелла, кажется, была уверена, что ее восхитительное тело рано или поздно победит любые препараты: по квартире она разгуливала в одеждах, выставляющих напоказ гораздо больше, чем скрывающих, а чуть заметив на себе взгляд Кирилла, призывно улыбалась.

– Отстань, сказал! – Кирилл сердито поднялся.

Бросив недопитый чай, пересел к компьютеру. Ему даже такую роскошь предоставили – хотя изучали, несомненно, каждую напечатанную букву. Порой Кирилла так и подмывало изобразить какое-нибудь похабство, останавливало лишь то, что физиономию Толяна, когда тот будет читать, все равно не увидит.

Кирилл придвинул табуретку ближе к стене – крутобедрая Стелла не пролезет. Подумал, невесело усмехнувшись, что сказал бы, увидев оборонительные укрепления, Джек. Ржал бы до слез, не иначе! Вот уж кто отгораживаться табуретками точно бы не стал. Да что – Джек... Кирилл был уверен, что и Рэд, и Олеся, и кто угодно из адаптов уже нашел бы способ выбраться! А он, прожив в плену больше недели, не продвинулся на пути к спасению ни на шаг. И это тяжелее всего угнетало. Эх, если бы хотя бы тут дали возможность работать...

***

...– Это чё?! – Три ночи назад Толян бросил на стол перед Кириллом чертеж усовершенствованной солнечной батареи. Аналога той, что использовали в Омске.

Чудесные батареи за день накапливали столько энергии, что поселку хватало с лихвой, Борис подробно рассказал о принципе их действия. Еще в Бункере Кирилл пытался разобраться с новой технологией, но там занятиям препятствовал Вадим. Настаивал на том, что в первую очередь нужно заниматься вакциной, а батареи, как и заведомо провальные эксперименты, дело десятое. В плену Кирилл попытался вернуться к работе, восстановить по памяти то, что видел у Бориса.

– Это – новая солнечная батарея, – разъяснил он. – Если довести до ума конструкцию, то в скором времени можно будет перестать экономить энергию. Ее будет хватать всем, постоянно – и днем, и ночью! Представляешь, какие это перспективы?

Толян побагровел.

– Я представляю, что тебя сюда за ради лекарства приволокли, – прошипел он. – Я, может, через год помру уже! На хрен мне твои перспективы? Велено лекарство делать, вот и делай! А с саботажниками у меня разговор короткий. Лысый, разъясни!

«Саботажника» отстегали плетью. Так, что от боли потемнело в глазах.

По дороге домой у Кирилла началась истерика. Он хохотал и не мог остановиться. Ржал – над собой. Над тем, как думал когда-то, будто Толян и впрямь заботится о владимирских жителях.

– Да он плевать на вас хотел! – сквозь смех выкрикивал Кирилл перепуганной Стелле. – Он жить хочет, вот и всё! Ему власть нужна! И Вадим Александрович – не лучше!

Стелла молчала, забившись в угол. Не вылезала из укрытия до тех пор, пока Кирилл, нахохотавшись, не забылся тяжелым сном.

***

В двери внезапно заскрежетал ключ. В эту дверь никогда не стучали и не звонили, запиралась она снаружи и отпиралась оттуда же, что еще больше в глазах Кирилла усиливало сходство обиталища с тюремной камерой.

Стелла пошла встречать незваных гостей, Кирилл не шелохнулся. Пару раз к нему заходил сюда Толян – «потрындеть за жизнь», а время от времени навещали его подручные. Ни тот, ни другие Кирилла не интересовали. Он придвинулся к монитору и, приняв сосредоточенный вид, открыл первый попавшийся файл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.